

Тимур Кошкарров

ЖИЗНЬ ЦАРЯ ГИЛЬГАМЕША

Художественная реконструкция шумерского эпоса

Часть 2

Ливанские кедры Хумбабы

Тимур Кошкаров
Жизнь царя Гильгамеша.
Художественная реконструкция
шумер-ского эпоса. Часть II
- Ливанские кедры Хумбабы.

*<https://litres.ru/74490123>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Царь Гильгамеш, победитель Киша и строитель стен Урука, отправляется в далёкий Ливан за священным кедром для храма своего отца Лугальбанды.

Путь лежит через земли, где правят чужие боги: в Баальбеке жрецы Баала приносят в жертву младенцев, в городах плетутся ин-триги, а священный лес охраняет демон Хумбаба, чьё имя внушает ужас даже в Шумере. Вместе с наречённым братом Энкиду, ветера-ном Сабумом и коварным виночерпием Лугалзу Гильгамеш прохо-дит через степи, солончаки и горные перевалы, сталкиваясь с преда-тельством, политическими ловушками и собственной гордыней. Слава героя, вернувшегося с грузом кедра и захваченными рабами, оборачивается кровью на улицах родного города и гибелью брата.

Это история о цене власти и силе слова, о дружбе, которая оказывается крепче смерти, и о том, что даже полубог не всемогущ.

Художественная реконструкция шумерского эпоса, основанная на древних источниках.

Тимур Кошкарров
Жизнь царя Гильгамеша.
Художественная
реконструкция шумер-
ского эпоса. Часть II -
Ливанские кедры Хумбабы.

ТИМУР КОШКАРОВ

ЖИЗНЬ ЦАРЯ ГИЛЬГАМЕША

Художественная реконструкция шумерского эпоса

ЧАСТЬ II

ЛИВАНСКИЕ КЕДРЫ
ХУМБАБЫ

2026

Тимур Кошкарров. Жизнь царя Гильгамеша. Художественная реконструкция шумерского эпоса. Часть II - Ливанские

кедры Хумбабы.

Царь Гильгамеш, победитель Киша и строитель стен Урука, отправляется в далёкий Ливан за священным кедром для храма своего отца Лугальбанды.

Путь лежит через земли, где правят чужие боги: в Баальбеке жрецы Баала приносят в жертву младенцев, в городах плетутся интриги, а священный лес охраняет демон Хумбаба, чьё имя внушает ужас даже в Шумере. Вместе с наречённым братом Энкиду, ветераном Сабумом и коварным виночерпием Лугалзу Гильгамеш проходит через степи, солончаки и горные перевалы, сталкиваясь с предательством, политическими ловушками и собственной гордыней. Слава героя, вернувшегося с грузом кедра и захваченными рабами, оборачивается кровью на улицах родного города и гибелью брата.

Это история о цене власти и силе слова, о дружбе, которая оказывается крепче смерти, и о том, что даже полубог не всемогущ.

Художественная реконструкция шумерского эпоса, основанная на древних источниках.

Сцена 01. Баальбек.

Настоящее время.

- До леса полторы седмицы, если держаться долины, - говорит проводник, указывая плетью на запад. - Но сначала

Баальбек. Там камни стоят дольше, чем города Шумера.

Я киваю, не сбавляя шага. Посмотрим на местные камни. За два месяца пути из Урука мы повидали многое: реки, степи, горы, пустыни. Великий поход за ливанским кедром останется в памяти людей. Мы близки к цели. Уставший отряд заметно оживляется. Овчарка Шугеш, чувствуя общее воодушевление, носится вдоль каравана, растянувшегося по степи. Общая любимица везде получает угощение и ласку.

Я видел стены Урука, которые строил мой отец. Видел зиккурат Энлиля в Ниппуре. Камни - просто материал. Мы пришли сюда за кедром для храма Лугальбанды. Кедр - вот, что имеет цену. А камни... они и есть камни.

Идём по долине. Вокруг поля и дороги. Впереди, на возвышенности, вырастают очертания каких-то сооружений. То ли крепость, то ли город. Нет - что-то другое.

- Царь, - говорит подошедший Сабум. Его левая рука обрывается выше локтя грубой культей - ей он привычно придерживает край плаща. - Я слышал о Баальбеке. В походах Лугальбанды старики говорили: здесь жили боги до богов.

- Боги до богов, - повторяю я. - Ты сам слышишь, что несёшь?

Сабум не спорит.

Мы подходим к подножию холма. Шугеш бежит впереди, принохиваясь. Энкиду идёт следом, бесшумно ступая босыми ногами. Лугалзу покачивается на осле. Ослабляет шнуровку на поясе - жарко. Вино в бурдюках нагрелось. Вино-

черпий не обращает внимания на камни.

Поднимаемся на плато.

Ветер бьёт в лицо – сухой и пыльный. Останавливаемся.

Сначала кажется, что глаза лгут.

Перед нами лежат исполинские глыбы, поставленные одна на другую так высоко, будто их поднимали не люди, а сами боги. Или те, кто был до них. Те, что играли со скалами, как дети с мокрой глиной. Я смотрю и не могу понять, что именно вижу. Не стены – нет. Стены бывают у городов. А это было иное: тяжёлое, древнее, неподвижное.

Три каменных блока наверху.

На высоте, которую трудно измерить взглядом.

Лежат так уверенно и аккуратно, словно им не требовались ни руки, ни усилия, ни время.

Трилитоны.

Если собрать всех мужчин Урука, они не сдвинут такую глыбу.

Кто её поднял на эту высоту?

Зачем?

Выше стен Урука.

Это насмешка богов.

Кто это сооружал?

Это не те боги, которых просят об урожае или плодovitости скота. Такие не слушают молитв. Они просто есть. Для создателей сего мы, смертные – ничто. Иной масштаб.

Трилитоны казались частью мироздания, поправшей саму

землю. Наверное, появились здесь задолго до того, как первый шумерский царь воткнул копьё в ил Евфрата.

Я считаю шаги вдоль ближайшего блока: тридцать пять. Измеряю ширину - восемь шагов. Высота - три моих роста.

Не кусок неотёсанной скалы.

Края ровные, углы прямые.

Между блоками почти нет зазора - лезвие ножа не проходит.

Камни вырезаны с точностью, которой позавидовал бы лучший резчик по лазуриту в мастерских Ниппура.

Они слишком большие. Это неправильно. Камень не может быть таким большим. Он не должен быть таким большим.

Запрокидываю голову, смотрю вверх. Вершина уходит в небо - не могу охватить её взглядом.

Я знаю вес глины.

Двенадцать мин - сырой кирпич. Восемь - обожжённый.

Знаю, сколько рук нужно, чтобы поднять базальтовую плиту в три локтя: двадцать четыре, если нести на шестах, и тридцать, если тащить волоком по мокрым доскам.

Я закладывал фундамент храма Лугальбанды. Клал стены Урука - тридцать локтей толщиной, обожжённый кирпич на битуме, с дренажными каналами через каждые сто шагов. Думал, что знаю всё про камень.

Я не знал ничего.

Отхожу на двадцать шагов, чтобы охватить сооружение взглядом.

Снова считаю. Тридцать пять. Восемь. Три. Все правильно.

Начал прикидывать. Базальтовая плита в три локтя длиной, в два шириной и в пол-локтя толщиной - это десять волов, если тащить по мокрым доскам. А этот камень? Я считал в уме - числа разбегались, как овцы от льва. Тысяча волов? Две? Три? Это по ровному. А сюда - в гору. По камням. Через долину.

Какие канаты не лопнули бы?

Какие леса выдержали бы?

В Уруке нет таких канатов.

В Уруке нет таких лесов.

В Уруке нет столько волов.

Но камень стоит. Лежит в основании храма.

Главная терраса протянулась примерно на сто пятьдесят шагов. Рядом сооружения поменьше, такие же величественные. Храмовый комплекс раскинулся на плато, как небольшой город. Обитель исполинов.

Подходит Энкиду. Не говорит ни слова. Кладёт ладонь на камень. Никогда не видел, чтобы он так волновался. Стоит, затаив дыхание.

- Кто построил такое? - спрашивает меня.

- Не люди, - отвечаю я.

Сажусь на землю рядом с блоком. Солнце высоко над долиной Бекаа. Тени от камней ложатся коротко, будто осторожно.

Храм Лугальбанды. Мои стены. Мои планы.

Глина. Детская игра в строителя.

Я бог на две трети. Победил врагов Урука. Не склонился перед могуществом Инанны. Отправился за кедром, будто весь Ливан обязан уступить мне путь.

Теперь чувствую, что вошёл не в страну, а в преддверие силы, которой не приказывают. Здесь строили не для защиты от людей. Здесь строили для тех, кто распоряжается громом, бурей, судьбой и теми силами, о которых в Уруке говорят только шёпотом. Слова тут не имеют смысла.

Мой замысел был велик лишь до этого мгновения. Теперь вижу - мы бросили вызов силам, которые не в состоянии понять.

Слышу голоса.

За поворотом - люди. Десятки, может, сотни. Паломники. Идут босиком, в грубых одеждах. С дарами в руках: глиняные сосуды, ткани, козы на привязи. Некоторые поют низкими, гортанными голосами, на незнакомом языке. Другие молчат, глядя перед собой с выражением покорности. Как овцы, идущие на жертвенный алтарь.

Прижимаюсь к стене и наблюдаю.

Впереди процессии - жрецы.

Длинные тёмные балахоны.

Лица скрыты масками.

Не человеческими.

Маски звериные. Бычьи.

С рогами и открытыми пастями. Глаза - из полированного обсидиана - в нем отражается солнце. Курильницы в руках.

Дым стелется по земле, обвивая ноги паломников.

Один из жрецов останавливается. Поворачивает голову - медленно, как сова. Маска смотрит прямо на меня.

Не шевелюсь.

Жрец отворачивается и идёт дальше. Процессия скрывается за колоннадой.

Выдыхаю.

Иду за ними.

Не из любопытства - из необходимости.

Я пришёл в их земли за кедром. Нужно понять, что это за люди. Какие боги здесь правят. Чьи жрецы держат власть.

За колоннадой открывается двор. В центре - алтарь. Каменный, как всё здесь, не серый, а тёмный, почти чёрный. Базальт? Нет, другое. Подхожу ближе. Поверхность алтаря испещрена желобками, сходящимися к центру.

Я знаю, для чего такие желобки.

Кровь.

Опускаю пальцы в желобок. Камень тёмный не от породы. Он пропитан. Год за годом, век за веком, тысячи лет - кровь впитывалась в него, пока он не стал чёрным.

Отдёргиваю руку.

Ладонь липнет.

Нет - показалось.

Камень сухой.

Ощущение неприятное.

Осматриваю двор. Паломники стоят на коленях. Жрецы в масках двигаются среди них, касаясь голов. Шепчут что-то. Некоторые паломники плачут. Другие смеются. Третьи сидят, отрешённо глядя в никуда.

Это не храм. Это пасть.

В глубине комплекса - вход.

Низкий.

Приходится наклониться.

За входом - коридор.

Стены смыкаются над головой. Свет - из редких щелей в потолке.

Шаг. Второй. Третий.

Дыхание сбивается. Стены - слишком близко. Потолок - слишком низко. Воздух - тяжёлый, стоячий, с запахом сырости и чего-то старого. Очень старого.

Разворачиваюсь и выхожу. Быстро. Почти бегом.

На воздухе останавливаюсь. Упираю руки в колени. Дышу. Раз. Два. Три.

Мой стражник, оставшийся у входа, бросается ко мне:

- Царь?

- Отойди.

Он отходит.

Выпрямляюсь. Лицо - как щит. Сабум учил меня этому. «Царь не должен показывать слабость. Ни страх, ни гнев, ни усталость. Лицо - как щит».

Это место - старше моих страхов. Оно было здесь, когда мои предки ещё лепили глиняные хижины. Оно будет здесь, когда время сотрет стены Урука. Это место не знает моего имени и не хочет знать. Я - просто пыль на его поверхности.

Солнце клонится к закату. Тени удлиннились, камни кажутся ещё больше - будто с наступлением сумерек они растут. Паломники частью расходятся, частью устраиваются на ночь - стелят циновки прямо на землю, заворачиваются в плащи, ложатся.

Мои воины разбивают лагерь у подножия, никто не разводит костров. Ждут меня.

Стою у трилитона, смотрю на запад. За горами море, которого я не видел. В горах Хумбаба, хранитель кедрового леса. В Шумере о нём рассказывают такое, что у детей сидят волосы. Его голос - гром, его дыхание - огонь, его лицо - смерть. Я смеялся над рассказами. Теперь, стоя под этими глыбами, понимаю: древние силы не шутят.

- Ты далеко от дома, строитель.

Голос - за спиной. Тихий. С акцентом.

Я оборачиваюсь.

Паломник. Пожилой, с обветренным лицом, в потрёпан-

ной одежде. Сидит на валуне спокойно, будто ждёт меня.

- Что ты обо мне знаешь? - спрашиваю я.

Он улыбается. Криво. Без зубов справа.

- Ты смотришь на камни, как человек, который привык строить. Ты трогаешь их, будто не веришь, что они настоящие. Ты один. Жрец не бывает один. Воин - тоже.

Я не отвечаю.

- Ты из Шумера? - спрашивает он.

- Из Урука.

Он кивает, будто это что-то значит.

- Урук. Город стен. Я слышал. Говорят, ваши стены видны с гор.

- Говорят неправду. С гор видны только зиккураты.

Смеётся. Коротко. Сухо.

- Ты прав. Стены видны только тем, кто стоит под ними. Зиккураты - тем, кто далеко. В этом разница между защитой и величием.

Он указывает на трилитоны.

- Хочешь знать, кто их сюда положил?

- Хочу.

Он качает головой.

- Никто не знает. Может, боги. Может, великаны. Может, земля обнажила, как кости из раны.

Он поворачивается, чтобы уйти.

- Постой, - говорю я. - Расскажи мне о Баале.

Паломник останавливается. Смотрит на меня долго, вни-

мательно. Кивает.

- Садись, строитель. Расскажу. Но знай: Баал - не тот бог, к которому ты привык. Он не принимает молитв. Он принимает кровь.

Сцена 02. Кедровый голод.

Урук. Шесть месяцев назад.

- Второй месяц, Шум... второй месяц я наблюдаю всё ту же картину: строительство храма топчется на месте. Ничего не сделано. Даже рабочих ты перевёл на другие участки. - Гильгамеш указал на недостроенные конструкции.

- Великий царь, я неоднократно докладывал: кедр заканчивается, привозят мало, строим много. Меня не слышали. Вот результат.

- Лугалзу, что у нас с поставками кедра? Агга как объясняет перебои?

Лугалзу достал из-за пояса глиняную табличку, смахнул пыль и углубился в чтение.

- Вот в прошлом месяце привезли два ствола, - сказал он с невозмутимым видом.

- Два ствола! - Шум развел руками, испачканными в глине. - Мне нужно перекрывать первый ярус, а он мне: два ствола. Я даже ворота не сделаю из них. Мне нужно пятьдесят стволов!

Гильгамеш взял табличку из рук Лугалзу и сам прочитал запись.

- Почему два? Сколько стволов в месяц нам отгружал Киш

год назад?

Лугалзу достал ещё одну табличку.

- Год назад, в это же время, нам было отгружено четырнадцать стволов.

- А почему сейчас два?

- В прошлом году Киш отгружал кедр из накопленных запасов. Сейчас они закончились. То, что привозят купцы с Ливанского хребта, сразу идёт к нам. Склады Киша пусты, - отпрапортовал Лугалзу, спрятал табличку и отпил из кубка.

- Не забывай, великий царь, что часть кедров идёт на ремонт стен. Вопрос безопасности, - заметил Шум.

- Я помню. - Гильгамеш махнул рукой. - Кедр нельзя чем-то заменить? Пальмой, например?

- Я знаю отличную рощу! - оживился Энкиду, до этого молча сидевший на корточках. - Там пальмы - заглядение, прямые, одна к одной.

Шум посмотрел на него с нескрываемым презрением, потом перевёл взгляд на Гильгамеша.

- Не говори глупостей, царь.

Неслыханная дерзость! Сабум, стоящий тут же, положил единственную руку на рукоять меча. Внезапная тишина прервала ход беседы. Шум понял, что сказал лишнего, и опустил глаза.

- Прошу меня простить, великий царь. Я совершенно не то имел в виду. Пальма, конечно, подойдет для навесов и загонов для скота. Так что, степной мальчишка, - он повернул-

ся к Энкиду, пытаюсь увести разговор в сторону, - бери людей и иди рубить пальму. Это хорошая идея для хлева. Но своды храма из неё не сделать. Нам нужен кедр.

Разговор вернулся в исходную точку.

Гильгамеш не стал карать советника за дерзость - мысли были заняты другим.

- Сейчас Агга поставляет нам кедр как дань. Если мы освободим его от этой повинности и начнём платить за лес серебром, может быть, жадность подстегнёт его рвение?

- Ничто так не подстегивает рвение, как страх потерять трон, а с ним и голову, - Нинсун незаметно подошла к спорящим мужчинам. - Эта проблема возникла не сегодня. С нехваткой кедра бился и твой отец, и цари Эблы, и цари Эмара. Поэтому он такой дорогой. Пробовали и цены повышать, и своих людей к северным купцам отправляли - всё впустую. Существенно нарастить поставки не удаётся. Приходится подстраивать ход строительства под имеющийся объём.

Гильгамеш почтительно склонил голову перед матерью, но не отступил.

- Если есть кедровый лес, почему нельзя послать больше лесорубов?

Сабум сплюнул и нехотя выдавил из себя:

- Хумбаба.

- Кто? - Гильгамеш нахмурился.

- Хумбаба сторожит лес. Он не позволяет рубить кедры.

За слушание - смерть. Люди боятся.

Гильгамеш не знал, как реагировать: гневаться или смеяться.

- Ты хочешь сказать, что страшилка из детских сказок не даёт нам достроить храм?

- Я хочу сказать, что мертвые лесорубы - это не сказка, - отрезал Сабум. - И сделал это Хумбаба. Так говорят те, кто выжил.

- Мама...

Нинсун пожала плечами.

Лугалзу углубился в табличку. Шум своим упрямым видом давал понять: будет кедр - будет храм.

- Я скажу, что нужно сделать, - глухо произнес Энкиду.

Он встал. Рука легла на кремневый нож.

- Нужно идти в Ливан. Я убью этого Хумбабу.

Шум фыркнул.

- Два - три месяца пути в одну сторону, молодой человек. Если налегке. Ни один купец не проходит этот путь целиком - каждый участок ведут свои люди, из поколения в поколение. Кто-то на реке, кто-то в степи, в горах, в пустыне. А ты, юноша, кроме тростниковых зарослей, ничего в жизни не видел.

- Ты, безусловно, прав, Шум, - царь задумчиво посмотрел на недостроенный храм. - Но и ты прав, Энкиду. Одними разговорами мы ничего не добьёмся. Если Хумбаба - лишь сказка, мы развеём страх. Если нет - наш долг защитить людей от чудища.

Гильгамеш обвел взглядом собеседников.

- Где сейчас строители, Шум?

- Строители трудятся на стенах. Там пока можно обойтись без кедра. Не буду же я их кормить просто так.

- Это хорошо, что люди при деле, - продолжил Гильгамеш. - Пора и нам заняться делом, а не только болтовней. Мы идем в Ливан. Небольшим отрядом. Посмотрим, кто там на самом деле сторожит лес. Всех жду завтра в это же время - с предложениями по походу.

Сцена 03. Культ Баала.

Баальбек. Настоящее время.

Паломник говорит без жреческого напева, без заклинаний. Как человек, объясняющий, почему восходит солнце.

Баал даёт дождь - и рождается хлеб. Баал даёт плодородие - и плодится скот. Баал даёт силу - и города побеждают врагов. Без него - засуха, голод, смерть.

Я слушаю и киваю. Это понятно. Любой храм скажет то же самое: без нашего бога вы погибнете. Разница лишь в именах.

- В моих землях, - осторожно вставляю я, - громом владеет Адад. Дождём - тоже. Он даёт урожай, если ему угодно.

Паломник смотрит на меня с выражением, которое можно назвать жалостью.

- Адад... - повторяет он. - Я слышал это имя. Тень Баала. Отражение в луже. Баал сражался с Мотом, пожиравшим людей, и самим Ямом, любимцем Эля, который хотел затопить землю. Он победил их и подарил людям дождь. Те, кого вы называете богами, лишь слабые отблески Баала. Если бы Адад был богом, его камни стояли бы здесь, а не ваши глиняные кучи вдоль Евфрата.

Стоило бы рассердиться. Но я пришёл сюда не для того, чтобы спорить.

- Разве не люди установили эти камни? - спрашиваю я, оглядываясь на гигантские глыбы. - Потом, кровью, лебёдка-ми и терпением. Люди везде одинаковы.

Паломник грустно улыбается. Так улыбаются ребёнку, который говорит, что звёзды - это масляные лампы, подвешенные к небу.

- Ты не понимаешь, о чём говоришь, - мягко отвечает он.

- Ну скажи мне: разве такие камни смогли бы поднять люди, если бы Баал не дал им сил? Разве смогли бы они высчитать, как положить эти глыбы одну на другую, чтобы они не сдвинулись за сотни лет, если бы Баал не продиктовал им размер? Ты строишь стены горожанам. Мы строим жилище богу. Разница - как между ремеслом и чудом.

- Сколько тысяч рабов легло в основание этих стен? - не удерживаюсь я от едкого замечания. - Силы им придавала плеть?

Мой сарказм остаётся непонятым.

- Здесь нет рабов, чужестранец. И нет тирана. Эти камни поставили свободные руки. Те, кто хочет, чтобы дождь пришёл, а солнце не сожгло посевы. Те, кто хочет, чтобы их стада не дохли от мора, а жёны рожали сыновей.

Я усмехаюсь про себя. Рабы, не сознающие своей участи, - ещё и глупцы.

Паломник продолжает, переходя к сути:

- Всё, что есть у людей, изначально принадлежит Баалу. Люди лишь держат это в руках, пока он позволяет.

- И что он требует взамен? - спрашиваю я.

- Почитания. Праздников. Жертв.

- Животных?

- Козлов, быков, овец. Когда просишь о малом.

- А когда о великом?

Паломник поворачивается ко мне всем телом. Его взгляд становится внимательнее.

- Когда просишь о великом - отдаёшь великое.

- Что значит «великое»?

Он молчит, словно решая, стоит ли говорить дальше. Потом указывает рукой в сторону храма:

- Видишь женщину у входа? С ребёнком на руках?

Я смотрю. Женщина в сером, младенец на руках. Она качает его и тихо напевает.

- Её муж был нищим, - говорит паломник. - У них не было ни зерна, ни козы. Они поклялись Баалу: если он даст им детей и хлеб, они отдадут ему младенца. Баал дал. Теперь у них полон двор детей, а в амбаре зерно. Теперь она принесла своего ребёнка на алтарь.

Мне кажется, я ослышался. Или не понял. Может, местный диалект искажает смысл?

- Что значит: на алтарь?

- Мальчика принесут в жертву Баалу, а его прах закопают в основании храма, - говорит паломник спокойно, словно обсуждает виды на урожай.

Я жду, что он добавит: жрецы заставили. Или: старейшины велели. Или: голод загнал. Что-нибудь такое, что укладывается в мою картину мира.

Он ничего не добавляет.

- Её заставили, - говорю сам. Не вопрос. Утверждение.

Паломник качает головой.

- Никто не заставляет.

- Жрецы...

- Жрецы принимают. Не загоняют копьём. Не тянут за верёвку, как скотину. Мать сама несёт. Отец сам ведёт за руку.

Я чувствую, как сужается мой правый глаз. Солнце бьёт в лицо, но дело не в солнце.

- Мать несёт собственного ребёнка на смерть, - проговариваю я, - и ты хочешь, чтобы я поверил, что она делает это добровольно?

- Не добровольно. По вере.

- В чём разница?

Он смотрит на меня, будто я спрашиваю, в чём разница между водой и сухой землёй.

- Добровольно - это когда тебе хочется. Вера - это когда ты знаешь. Младенец чище любого воина, павшего в бою. Воин сам взял меч, а младенец чист. Его кровь - самая сильная вода для пересохшей земли.

Он проводит рукой по камню рядом с собой:

- Наши отцы рассказывали: пока под эти камни не легло тело младенца, стены рушились. Камни сползали, как мокрая глина. Старший жрец принёс в жертву ребёнка из самого знатного рода и положил его под крайний камень. Только тогда Баал принял жилище и позволил камням стоять.

Потому и сейчас, когда мы зарываем урну с прахом младенца у подножия стен, мы «кормим» основание дома Баала, чтобы он не оставил его.

Слова застревают у меня в горле. Что я могу сказать? Что это ложь? Для меня - да. Для той женщины - нет. И есть главное, чего я не могу допустить: она верит. Она действительно верит.

- А если она не хочет? - спрашиваю я. - Если мать отказывается?

- Она отказывает не Баалу. Она отказывает своему ребёнку. Обрекает на жизнь в этом мире, где голод, болезни, война. А могла бы посадить его, как зерно, в ладонь бога.

- Это безумие.

Паломник не обижается. Он даже не вздрагивает.

- Ты так думаешь, потому что твои боги слабы, - говорит он спокойно. - Они просят козла и довольствуются этим. Баал берёт сына. Посмотри на поля за холмом. Зелёные? Да. А в землях тех, кто забывает Баала, они чёрные, как пепел. Я знаю одного человека, который поклялся отдать первенца, если пойдёт дождь. Пошёл дождь - и он спрятал сына. В следующем году небо стало медным. Дети ели корни, пока не падали. Тогда он сам привёл мальчика к алтарю. В тот же день пошёл дождь.

Через какое-то время он продолжает:

- Ты мыслишь, как купец: отдать - получить. Но Баал не торгуется. Баал берёт. Он - хозяин. А хозяин может взять то, что ему принадлежит. Ты даёшь ему зерно на празднике? Даёшь. Ты даёшь ему масло и вино? Даёшь. Но всё это - не ты. Зерно вырастет без твоей помощи, если Баал пошлёт дождь. Вино сделают руки, но виноград даёт земля. Единственное, что человек может назвать своим, - созданное его любовью. Его дитя. Хотя и оно - от Баала, но человек отдаёт его добровольно, и это единственный дар, который имеет цену для бога.

Я молчу. Смотрю на каменный блок, возвышающийся над

нами, и пытаюсь представить, как под ним лежит урна с прахом. Младенец. Мать, которая положила его туда. Отец, который привёл их сюда. И всё это - не по принуждению. Добровольно.

Я знаю людей. Знаю, как они трусливы и жадны, как цепляются за жизнь.

Храмы Урука держатся на страхе прихожан и жадности жрецов. Но если бы Нинсун или Инанна потребовали от урукской матери ребёнка, город вспыхнул бы бунтом. Матери разорвали бы жрецов голыми руками. Отцы погибли бы, защищая своих детей.

Это закон. Закон крови, закон природы, который я, на две трети бог, понимал лучше любого смертного.

Но здесь этот закон отменён. Здесь мать отдаёт ребёнка на закланье ради благополучия. Прикрывается верой. Или действительно верит?

Где любовь? Привязанность? Самопожертвование?

Я пытаюсь научиться этому у Энкиду. Научиться быть счастливым. Хочу, чтобы жители Урука были счастливы.

Здесь всё иначе. К чему стремятся они? Дожить до следующего урожая? Зачем, когда свою любовь отдали на закланье?

Как будто отвечая на мои мысли, паломник продолжает:

- Тот, кого мы отдаём на огонь, не умирает, как пёс на дороге. Его несут прямо в дом Баала. Там нет ни голода, ни боли. Такой ребёнок становится первым среди духов: он хо-

дантайствует за дом своего отца. Мать, которая жертвует, не теряет ребёнка - она отправляет его в лучший мир.

Он указывает на женщину:

Раскинь умом, человек из Урука: матери сами несут своих младенцев. Почему? Потому что они видели, что делает Баал. Те, кто отдал ему сына, получили потом ещё троих; у кого была одна нива - стало десять. Разве можно было бы заставить мать расстаться с ребёнком ради пустого идола? Нет. Только истинный бог, который даёт жизнь и хлеб, может потребовать и получить такое - и люди соглашаются. Это и есть знак его силы.

«Это я мыслю, как купец?»

Отворачиваюсь. Женщина у входа в храм всё ещё качает младенца. Она поднимает голову и глядит в нашу сторону. На таком расстоянии я не могу разглядеть выражение её лица. Но знаю, что оно спокойно.

Паломник продолжает:

- Ты не похож на бедняка, странник из Урука. Руки у тебя, как у воина, а глаза - как у того, кто привык приказывать. В твоих землях тоже есть боги, которым ты приносишь козлят и быков. Но спроси себя: готов ли ты отдать то, что дороже успеха и скота? Если ты когда-нибудь попросишь Баала о великой победе или о бессмертном имени, приготовь дар, достойный такой просьбы. Муж, который способен отдать своего сына, для Баала дороже целого города трусов.

Мне хочется рассказать ему, кто я такой. Рассказать, что

я не из тех, чьи кости сгниют безвестно. Что я - Гильгамеш, сын Лугальбанды, победитель Киша. Что я построил стены, которые стоят без жертвенных младенцев под фундаментом.

Но я молчу.

Я понимаю: это не имеет значения. Ни моё имя, ни мои стены, ни победа над Аггой. Для него я ещё один чужак, который пришёл, посмотрел и скоро уйдёт. А камни останутся.

- Останься до праздника. Увидишь своими глазами, как пламя Баала принимает детей и как их крики поднимаются в небо вместе с дымом. Ты поймёшь, почему наши матери не плачут и почему наши поля зелёные, а не выжженные, как у тех, кто забывает своих богов.

Дальше слушать было невозможно.

Я ухожу. В голове - пусто и шумно одновременно, как после удара по шлему, когда ещё не понимаешь, куда упал.

Впереди виднеются палатки моего отряда. Энкиду где-то там - может, спит, может, осматривает обоз. Он бы понял. Он, выросший среди зверей, где мать отдаёт жизнь за детёныша, а не наоборот. Он бы понял, что здесь что-то сломано. Что-то фундаментальное.

А я понимаю другое.

Этот человек не сломлен. Он цельный. Его вера - не страх перед и не невежество. Это система, где каждый элемент подогнан к другому, как трилитоны между собой. Баал даёт - потом забирает. Человек приносит ребёнка, потому что всё остальное ему не принадлежит.

Его волю не сломить.

Её нет.

Сцена 04. Подготовка к походу.

Урук. Три месяца назад.

- Неспокойно мне, сын, - Нинсун стояла на террасе, глядя на город внизу. - Так далеко ещё никто не ходил. Мы мало знаем о тех местах. Другие люди, чужие боги. Кто защитит тебя и твой отряд? Что такое двести человек? Сто воинов и сто ремесленников.

Гильгамеш подошёл сзади и обнял мать за плечи.

- Не тревожься, матушка. Поход угоден богам. Нам нужен кедр для строительства храма отцу. Что может быть благороднее? Этот поход поставит моё имя там, где имена прославленных.

Нинсун повернулась к сыну и внимательно посмотрела ему в лицо.

- Гордыня живёт в твоём сердце. Не за кедром идёшь ты в этот поход - за славой. Боги увидят это, если даже я вижу. Что было на Совете? Результат я знаю. Расскажи, кто был против.

Царь отошёл в глубь комнаты, пригубил немного вина из кубка.

- У тебя отличное вино, матушка.

Нинсун ждала.

- Инанна сказала, что кедровый лес Ливана находится под защитой Энлиля. Рубить его - святотатство, - начал Гильга-

меш. - Хумбаба богами поставлен охранять лес. Мы не должны покушаться на стража священного леса.

- Продолжай, - нетерпеливо сказала Нинсун.

- Старейшины беспокоятся, что стены Урука останутся без защиты. Но я беру только одну сотню воинов. Здесь останутся прекрасные командиры. Не думаю, что после победы над Аггой кто-то пойдёт на Урук войной. Уверен, что в пути на наш отряд никто не решится напасть. Пусть он небольшой, но имя Гильгамеша что-то значит.

- На Евфрате что-то значит. В Ливане тебя мало кто знает.

- Вот и будет возможность узнать. Мама, я не могу сидеть взаперти за стенами Урука. Мы победили Киш. Теперь нужно укреплять наше влияние. Иначе враги вновь обретут смелость. Я намерен заложить храмы Лугальбанды в Ниппуре и в Кише. Это уже не просто мемориальные таблички о наших победах - их легко сбить со стены одним ударом. Это люди, это наши сторонники в соседних городах. Идея бога без корысти найдёт отклик во многих сердцах.

- И во многих сердцах посеет ненависть, - возразила Нинсун.

- Распри в чужих городах тоже нам на пользу, - парировал Гильгамеш.

Верховная жрица задумалась, потеревила медальон на шее и снова повернулась лицом к городу.

- Ты уже всё решил. Совет тебя поддержал. Отступать поздно. Я буду молиться Шамашу на рассвете. Бог солнца -

покровитель путников и героев. Он каждый день отправляется на запад. Буду просить его осветить твой путь и предостеречь об опасности. Завтра мы отправимся к нему в храм и понесём щедрые дары. Молись Энлилю. Проси позволить тебе добычу кедра в священном лесу. Пусть даст знак.

На улицах города начинало смеркаться. Нинсун поёжилась от свежего ветерка.

- Я знаю хорошего гадалея. Завтра, перед тем как отправимся в храм Шамаша, принесём ягнёнка в жертву Энлилю. Печень ягнёнка покажет знающему жрецу многое. Иди. Молись, сын мой. Пусть Энкиду будет с тобой. Завтра я хочу его видеть на церемонии. Всё.

Нинсун не сомкнула глаз этой ночью. Как только небо на востоке стало проясняться, она позвала служанок, чтобы провести обряд очищения.

Перед лицом восходящего солнца она совершила омовение своего стройного тела в трёх водах с отварами мирры и полыни. После умащивания кедровым маслом Нинсун облачилась в чистое льняное платье, надела диадему и украшения.

Поднялась на крышу храма. Жрицы окропляли её путь водой, освящая пространство. В руках она несла горсть ладана и кедровой смолы.

Шамаш уже показал свой лик из-за горизонта. На крыше жрецы установили жертвенник и куильницу. Нинсун раз-

вела огонь, бросила в него благовония и воздела руки навстречу солнцу.

- О, великий Шамаш! Ты, дарующий тепло и свет всему живому! Ты взирающий на землю из небесного чертога! Молю тебя! Не оставь моего сына в трудном походе. Ты же сам вложил в его сердце неуспокоенность. Звёзды тому свидетели - стражи ночи и Нанна-луна. Освети его путь. Иди перед ним. Окружи своими лучами как щитом.

Шамаш благосклонно взирал с небес на верховную жрицу. Ни одно облако не затенило его светлый лик. Это был хороший знак.

- Ответил ли Энлиль на твои молитвы? - спросила Нинсун, стоило Гильгамешу появиться на пороге храма.

Сын поклонился матери, пожелал ей долгих лет жизни и ответил:

- Да, матушка. Энлиль послал знамение во сне: я стоял в тени горы, но гора упала и воссияла звезда. Я держал быка, который пытался вырваться, но я его не отпустил. Энкиду разгадал мой сон.

Нинсун повернулась к Энкиду:

- Что ты понял из этого знамения, юноша?

Энкиду слегка смутился, но, поклонившись, уверенно ответил:

- Госпожа. Гора - это Хумбаба. Он падет... Сияющая звезда - это Шамаш, который благоволит нашему походу и помо-

гает. Бык - это богатая добыча, кедры, которые мы добудем в этом походе.

- Послушаем теперь, что скажет нам жрец-гадатель.

Во двор привели молодого ягнёнка. Жрец ловко уложил его на жертвенный стол и одним движением ножа вскрыл шею. Кровь брызнула наружу, но направляемая опытной рукой, потекла по специальному жёлобу в глиняный сосуд.

Выждав несколько секунд после коротких конвульсий, жрец распорол брюхо ягнёнка и аккуратно извлёк внутренности. Он долго смотрел на влажную тёмную печень, пальцами ощупывая её края, бормоча имена небесных знаков... Всё имело значение: полнота долей, отсутствие уродств, цвет и форма.

Гильгамеш не отводил взгляд от его рук. Энкиду замер, понимая, что решается что-то важное.

Наконец жрец поднял глаза и произнёс:

- Энлиль не будет препятствовать походу.

Все выдохнули. Энкиду, улыбаясь, посмотрел на Гильгамеша: я же говорил...

- Но и помогать вам он не будет, - тут же подпортил впечатление жрец. - В этой экспедиции царю придётся рассчитывать только на свои силы и помощь друзей.

Он ещё раз провёл окровавленными пальцами по печени ягнёнка.

- Особенно на помощь друзей, - жрец поднял глаза на Гильгамеша. - Иначе - беда.

Нинсун задумалась и пристально посмотрела на Энкиду. Слова гадателя эхом отозвались в ней: «Иначе - беда». Вдруг она поняла: без этого юноши сын не вернётся.

- Благодарю вас, - сказала она гадателю. - Вы оказали нам неоценимую помощь. Энкиду, подойди ко мне.

Юноша подошёл и встал напротив верховной жрицы.

- Слушаю тебя, моя госпожа.

- Преклони колени.

Энкиду опустил на колени и склонил голову.

Нинсун положила ему руку на плечо. Окружающие замерли в недоумении.

Жрица помолчала немного, посмотрела на алтарь. Затем произнесла торжественным голосом:

- Я, верховная жрица храма Нинсун, беру тебя как сына. Я отдаю тебя Гильгамешу как младшего брата. Ты, отныне сын дома Нинсун, обязан защищать наречённого брата ценой своей жизни, если это потребуется. Как и он тебя. Ты обязан вернуть его домой, как пастух вверенное стадо. Клянёшься ли ты?

- Клянусь, - проговорил ошалевший Энкиду.

- Ты можешь встать.

Если бы небо разверзлось сейчас над головами - никто бы не заметил. Настолько всё происходящее было неожиданно. Гильгамеш смотрел на внезапно обретённого брата и не мог сказать ни слова. Сабум чесал затылок единственной рукой. Жрицы у алтаря боялись пошевелиться.

Нинсун обвела взглядом собравшихся и произнесла как ни в чём не бывало:

- Что же вы окаменели? Нам ещё в храм Шамаша идти. Подарки приготовлены?

Из храма Нинсун в храм Шамаша путь лежал через городскую площадь мимо зиккурата Инанны. Во главе процессии шли Гильгамеш и Энкиду, за ними - Нинсун и Сабум, далее охрана и жрецы с многочисленными подарками: украшения, ткани, козы, ячмень. Гильгамеш не скупился.

Жители останавливались на площади и приветствовали царя:

- Слава Гильгамешу! Слава великому воину!

Нинсун тронула сына сзади за плечо:

- Скажи что-нибудь людям.

Гильгамеш остановился и поднял руку. Стража немедленно расчистила вокруг него свободное пространство.

- Сыны Урука! - его голос грянул над площадью. - По воле богов и с их благословения я отправляюсь в далёкий поход - к самому краю мира, где растут священные кедры. Сто лучших воинов и сто лучших ремесленников отправятся со мной. Кто хочет принять участие в походе - обращайтесь к Сабуму. Уверен, что нам будет сопутствовать удача, и отряд вернётся с богатой добычей. Поход непростой. Никто ещё не ходил так далеко. Но тем более славной будет наша победа. Пока течёт вода в каналах, пока восходит Шамаш, об этом походе будут слагать песни! Наши имена не сотрутся с глины времени! С нами боги!

Толпа взорвалась рукоплесканиями и восторженными возгласами:

- Слава Гильгамешу! Слава великому воину! Слава Нинсун!

Только зиккурат Инанны, нависавший огромной горой над площадью, хранил гробовое молчание. Ни единого шевеления не возникло на его ярусах. Никто из жрецов Инанны не вышел на площадь. Но холодный, тяжёлый взгляд из тени

проёмов ощущался даже здесь, на залитой солнцем площади.

Два месяца Урук жил в напряжении, словно перед грозой. Шла интенсивная подготовка к походу.

Кузницы не умолкали ни днём, ни ночью. Воздух звенел от ударов молотов, а запах горячего битума и дыма вьёлся в одежду горожан.

Основу отряда составили воины из царской стражи. Были добровольцы из храмов и общин. Степные лучники тоже просились в поход - их определили в сухопутный караван под начало Энкиду.

Гильгамеш возглавил речную часть отряда, идущую по Евфрату на лодках.

Лодки стояли у причала. Досчатые, обработанные битумом по швам, пахли свежим деревом и смолой. По двадцать человек в каждой - со снаряжением и припасами.

Для воинов готовили бронзовые топоры и секиры, копья с медными наконечниками, кинжалы, медные шлемы, плетёные щиты, обтянутые кожей. Для лесорубов и ремесленников - топоры и адзы для рубки кедров, пилы с бронзовыми зубьями, зубила, долота, верёвки из пальмовых волокон, деревянные полозья для волочения стволов, запас битума, досок и канатов для ремонта, короба для смолы.

Жрецы проходили вдоль обоза, окропляли снаряжение пивом, приговаривая: «Да не сломится топор в руке героя, да

не затупится меч в горных камнях». Гильгамеш сам проверил каждое оружие, пробовал остроту топоров, перекинулся парой слов с кузнецами.

Продовольственный запас составили вода в запечатанных смолой кувшинах, сушёная рыба, ячменные лепёшки, финики, масло и немного пива.

В день отправления двести человек выстроились у ворот. Жрецы в последний раз читали благословения. Народ шумел, женщины плакали, дети тянулись к героям.

Гильгамеш обнял наречённого брата и вручил ему перстень с печатью Урука - в знак полномочий. Энкиду сжал руку царя.

Сухопутный караван вышел через ворота, подняв густую пыль.

Гильгамеш со своим отрядом спустился к реке, к лодкам.
- Вёсла на воду! - разнеслась команда над портом.

Сцена 05. Жертвоприношение.

Баальбек. Настоящее время.

Утро не задалось.

Ночь выдалась не для сна.

Не дает покоя вчерашний разговор с паломником.

Наговорил всего, а я никак не могу уснуть.

Всё стоит перед глазами та женщина с ребёнком на руках. Обычная мать, качает малыша, напевает ему. А потом вдруг превращается в отвратительного монстра: клыкастого, с жабьей кожей и когтистыми лапами. Рвёт младенца на части и

пожирает. Спокойно так, деловито.

Приснится же такое.

Чушь какая-то. Мегалиты стоят здесь с незапамятных времён. Ни паломник, ни жрецы, что суетятся вокруг них, не имеют к ним отношения. Может быть, в те времена и людей не было. А эти шуты теперь приписывают себе заслуги неизвестных предшественников. И рассказывают чужестранцам небылицы, чтобы к ним не лезли такие, как мы.

Я пришёл за кедром и возьму его. Каким бы Хумбабой меня тут ни пугали. Мамаши, пожирающие своих детей из-за любви к Баалу... Бред, более абсурдный невозможно придумать. Если кто-то кого-то пожирает - значит, хочет есть. Другой причины не бывает.

Вон, какое утро хорошее. Мне вдруг стало легко и спокойно.

Нужно поменьше слушать сумасшедших бродяг. Они и не такого расскажут.

Сходить всё-таки стоит. Разобраться - с кем мы имеем дело.

- Сабум, Энкиду, пойду посмотрю на местные обряды, - говорю я, поднимаясь и застегивая пояс.

- Подожди, брат, я с тобой, - Энкиду поднимается вслед за мной.

Ну и Шугеш, конечно. Куда же без неё.

Святылище открылось за поворотом дороги, и Шугеш

первой чует запах. Она останавливается, задирает морду, принюхиваясь. Потом тихо скулит и прижимается к моей ноге.

Энкиду тоже поморщился. Проводит ладонью по лицу, словно отгоняя мух.

- Смола, - говорит он. - Кедровая. Ещё... горелый жир.

Святылище окружено низкой каменной стеной. Внутри горят костры. Дым поднимается столбом и теряется в утренней дымке.

В центре стоит идол.

Бронзовый, выше человеческого роста, с руками, вытянутыми вперёд. Ладони обращены вверх и слегка наклонены к земле. Если что-то положить на них, оно неизбежно соскользнёт вниз, в бронзовую жаровню, где горит огонь, раскаляя простёртые над ним руки.

Я ожидал увидеть нечто каменное, первобытное. Но идол был сделан мастерски. Мышцы, складки одежды, лицо - всё отлито со знанием дела. Это не работа дикарей. Местные жрецы не поскупились на декорации.

Людей было немного. Десятка полтора, не больше. Они стоят вразброд, почти не общаясь: кто-то опирается на посох, кто-то тихо переговаривается между собой, кто-то зевает. Вчерашняя женщина у края толпы кормит грудью ребёнка. Кто-то пришёл с детьми постарше.

Перед глазами мелькает картинка давешнего сна - монстр, пожирающий младенца. Мелькает и пропадает. Смешно.

«Скучновато тут у них проходят праздники, - думаю я. - Сейчас жрец прочитает занудную проповедь, благословит младенца - и прихожане вернутся к своим повседневным заботам».

Звучит музыка. Флейты - высокие, пронзительные. Барабаны - глухие, ритмичные. Звук заполняет всё пространство, не оставляя места другим звукам.

Выходит жрец в длинном льняном одеянии. Лица почти не видно за маской - только подбородок и рот движутся в беззвучной молитве.

Вчерашняя женщина с младенцем идёт к нему.

Младенец. Месяца два-три, не больше. Завёрнут в белый платок. Видно только лицо - розовое, спящее.

Она несёт его, как носят матери: на сгибе локтя, прижав к себе. Покачивает. Тихо напевает.

Подходит к жрецу, что-то говорит. Тот неслышно отвечает. Слов не разобрать, но смысл ясен: ритуальные фразы.

Женщина стоит прямо. Я вижу её профиль, освещённый огнём. Спокойный. Глаза смотрят на идола. В них нет волнения.

Она становится на колени, протягивает ребёнка жрецу.

Жрец принимает ребёнка из её рук, поворачивается к идолу и кладёт младенца на раскалённые бронзовые ладони.

Я вдруг ощущаю эти раскалённые ладони на себе. Это не малыша кладут сейчас на огонь. Меня.

Оцепенение охватывает всё тело. Крик застревает в горле.

Мне кажется, малыш поворачивает лицо ко мне. Он тоже в оцепенении.

Не понимает, что произошло.

Крик не успевает сформироваться. Розовое лицо темнеет, мышцы судорожно сокращаются, рот будто смеётся.

Сардонический смех.

Тельце соскальзывает по наклонённым рукам идола и падает в жаровню.

Пламя взметнулось. Жир - человеческий жир - резко вспыхивает. Запах бьёт в лицо - я едва не сгибаюсь пополам. Правый глаз непрерывно слезится.

Шугеш визжит - тонко, отчаянно - и рвётся вперёд. Я машинально удерживаю её за ошейник. Она дёрнулась раз, другой и затихла, взвизгивая на каждом выдохе.

Энкиду стоит рядом, вцепившись в мою руку. Я только сейчас замечаю, что его пальцы стискивают моё предплечье железными тисками.

Флейты играют. Барабаны бьют. Дым поднимается к небу. Я смотрю на женщину.

Она стоит на том же месте. Руки опущены. Пустые. Теперь они пустые.

Она - монстр, страшнее ночного кошмара. Она сейчас пойдёт домой, обнимет мужа... Тот даже не пришёл на церемонию... Видимо, остался с детьми.

Осматриваюсь вокруг. Люди спокойны. Кто-то опирается на посох, кто-то зевает. Скоро они вернутся к своим делам, будто ничего не случилось.

Время тянется. Огонь пожирает плоть, флейты воют, барабаны стучат. Я считаю удары, чтобы не сойти с ума. Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре.

Пламя начинает стихать. Жрец делает знак помощникам - те подходят к яме с длинными щипцами и глиняным кувшином. Опускаются. Что-то собирают. Кости? Пепел? То, что осталось от ребёнка, который ещё недавно мирно сопел на руках матери?

Я не вижу деталей. Не хочу видеть.

Урна наполнена. Жрец закрывает её крышкой, произносит ещё какую-то формулу и протягивает урну женщине.

Женщина принимает её с поклоном. У основания стены приготовлена ячейка. Она несёт урну туда. Жрецы помогают

захоронить прах. Сверху устанавливают каменный столбик с надписями.

Всё.

Обряд завершён.

Ждём дождя от Всемогущего или чего-то ещё.

Завтра, если начнёт мучить подагра или захочется больше внимания от мужа, она знает, что делать. Есть ещё дети, которых можно принести на алтарь.

Из любви к Баалу.

Чтобы младенец попал в лучший мир.

Бред.

Они верят в то, что их оправдывает. Или делают вид, поскольку пути назад нет.

Монстр не в идоле. Монстр в них самих. Спрятан за маской любви.

Я сорву маски. Пусть увидят свои истинные лица.

Начну с Хумбабы.

Сцена 06. Путь к Ниппуру.

Евфрат. Три месяца назад.

Лодка вздрогнула, когда вёсла дружно вошли в воду. Досчатые борта, промазанные битумом, рассекали речную волну. Сзади, вытянувшись в линию, двигались ещё четыре судна - такие же низкие, гружёные припасами, оружием и инструментами. Сто человек. Не много для похода к краю земли. Немало для одной реки.

Гильгамеш стоял на носу головной лодки и глядел вперёд.

Правый глаз - божественный, янтарный - почти не щурился на солнце, лишь вертикальный зрачок сузился как лезвие клинка. Левый - человеческий, тёмно-карий - морщился от бликов, игравших на воде.

Сразу за городом шла плотная полоса застроек - глинобитные дома лепились друг к другу, печи дымили, между хижинами бегали дети и сновали женщины с кувшинами на головах. Кто-то махал им вслед, кто-то просто смотрел на царя. Он был высоким, в простой тунике, подпоясанной ремнём. Без парадных одежд, без диадемы. Его узнавали по стати, по глазам.

- Царь! - крикнул кто-то с берега. - Слава Гильгамешу!

Он чуть поднял руку в ответ - сдержанно, не оборачиваясь.

Они проплывали мимо пальмовой рощи. Финиковые деревья стояли на берегу, их корни черпали влагу из грунтовых вод, которые поднимались почти к поверхности. Местами прямо из земли сочилась вода, образуя небольшие болотца. Там квакали лягушки и роились комариные тучи.

- Комары здесь злые, - Сабум хлопнул себя по шее, размазывая кровь. - В Уруке их почти не замечал. А здесь - будто вся гнусь мира вылезла на поверхность.

Далее открывались бескрайние поля ячменя - колосья стояли стеной, уходя к горизонту. Между рядами виднелись ирригационные каналы, по которым струилась вода, крестьяне с мотыгами - чёрные фигурки на фоне зелёного моря. Кто-

то выпрямился, увидев лодки, снял шапку, поклонился.

Солнце поднялось выше, жара начала давить - влажная, тяжёлая, как мокрая шерсть. Гребцы обливались потом, дыхание стало частым, вёсла тяжелели с каждым взмахом. Русло сужалось - берега сближались, с лодки можно было разглядеть каждую трещину в глине береговой дамбы, каждый корень, пробившийся сквозь сырцовый кирпич.

Гильгамеш подался вперёд, вглядываясь в воду по курсу.

- Мелко, - сказал он.

Сабум проследил за его взглядом. Вода стала мутной, почти коричневой, дно поднялось так близко, что вёсла задевали песок.

- Гребцы! - крикнул ветеран. - Малый ход! Шесты на борт!

Люди задвигались быстрее. Кормчие с длинными шестами встали на носах, ощупывая дно. Ил поднимался вверх, вода мутнела на глазах.

Русло разветвилось. Гильгамеш поднял руку - стоп.

- Сабум, какой рукав?

Ветеран прищурился, оценивая оба направления. Левый рукав был шире, но вода в нём казалась стоячей. Правый - уже, но с заметным течением.

- Правый. Если уровень ещё упадёт, в левом мы сядем на мель через час.

Пять лодок повернули в узкую протоку. Вёсла задевали стебли ячменя по обоим берегам - запах свежей зелени смешался с запахом воды.

К вечеру, когда солнце опустилось к горизонту и стало багровым, третья лодка села на мель.

Гильгамеш услышал скрежет дерева о песок и обернулся. Лодка накренилась, груз - мешки с ячменём и ящики с инструментами - сдвинулся к борту. Люди застыли, не зная, что делать.

- Всем стоять! - крикнул Гильгамеш. Шагов за тридцать от него команда третьей лодки в растерянности переглядывалась. - Не дёргаться!

Он спрыгнул в воду - по колено, вода была тёплая, мутная, с запахом ила. Подошёл к севшей лодке, упёрся плечом в борт.

- Трое - в воду. Держать с другой стороны. Остальные - снять груз и переложить на четвёртую лодку. Быстро.

Сабум уже был рядом: упёрся култей и плечом в корму, всем своим коренастым телом толкал лодку снизу. Вода хлопала, пузырилась. Поднималась муть.

Через полчаса лодку сняли с мели. Груз пришлось перераспределить - четвёртая лодка теперь была перегружена. Сабум ворчал, проверяя осадку.

- Это только начало, - ворчал он, разминая единственную руку. - Воды становится всё меньше.

Утро второго дня выдалось безжалостным.

Канал, выбранный накануне у развилки, оказался ловушкой.

Мошкара поднялась с рассветом. Сначала - мелкие мушки, потом - крупные комары с полосатыми спинками. Они не кусали сразу - кружили, выбирали, садились на кожу и сидели, примеряясь. Потом впивались.

Лица воинов распухли, руки покрылись красными пятнами. Кто-то пытался мазаться грязью - помогало на час, потом комары присасывались сквозь грязевую корку.

Грязи было вдоволь.

Лодки увязли. Не сели на мель в привычном смысле - вода просто кончилась. Осталось топкое месиво, вёсла бессильно шлёпали по жидкому илу. Шесты, которыми пытались оттолкнуться от дна, проваливались, не находя опоры.

- Это знак, - произнёс один из гребцов. Он не обращался ни к кому конкретно - просто сказал, глядя в мутную воду.
- Боги закрыли путь. Наш поход им не угоден.

- Тихо, - оборвал его старший на лодке.

- Почему тихо? - гребец повернул распухшее лицо. - Мы зашли в тупик. Вода уходит. Комары съедают нас. Какой ещё знак нужен?

По другим лодкам тоже зашептались. Гильгамеш слышал обрывки фраз:

- Энлиль не хочет...

- Нужно вернуться...

- Дурной знак...

- Пока не поздно...

Ропот расплзался по лодкам, как лихорадка. Кто-то нерв-

но стучал веслом по борту, кто-то с ненавистью смотрел на бесконечную стену камыша.

Сабум, сидевший на корме, сплюнул в жижу за бортом. Его единственная рука сжала рукоять меча.

- Языками болтаете, а не думаете, - рявкнул ветеран. Хриплый голос перекрыл гул мошкары.

Но и он не знал, как выбраться. Пробовали прыгать в воду и толкать борта руками - дно уходило вниз, ил засасывал ноги по пояс, не давая опоры. Пробовали наращивать шесты в длину - они вязли и ломались под тяжестью нагруженных лодок. Время шло. Солнце пекло нещадно.

Гильгамеш закрыл глаза, вдыхая запах тины и пота.

Боги не хотят, чтобы мы шли.

Он вспомнил слова матери, вспомнил тяжёлый взгляд зиккурата Инанны.

Мы ждали чуда.

Мы ждали, что река сама расступится, как перед избранными.

Царь открыл глаза.

- Нет, - сказал он тихо, но так, что его слышали на соседних лодках. - Не ждём. Делаем.

Он спрыгнул с носа лодки за борт. Ил доходил до колен. Нога уходила глубже с каждым шагом – до колена, до бедра.

- Где канат? Бечева?

Кто-то подал ему грубую верёвку из пальмовых волокон.

- Привязывай за нос.

Гильгамеш стоял в мутной воде, смотрел на неподвижные лодки, на лица людей - потные, испуганные, злые.

Вдали, на берегу, тянулась тропа вдоль канала. Обычная тропа для бечевых, по которой крестьяне тащат лодки вверх по течению.

Он шагнул к берегу, вылез из воды и ступил на твёрдую, утоптанную супесь. Босиком, не замечая, как песок жжёт подошвы, пошёл вдоль дамбы, разматывая бечеву.

- Что ты делаешь, царь? - спросил Сабум, выбираясь следом.

- Тянуть буду, - ответил Гильгамеш.

- Один? Там гружёная лодка в грязи. Ты не сдвинешь.

- Сдвину. Не мешай.

Он закинул бечеву на плечо, потянул. Верёвка впилась в кожу, но он шёл, упираясь ногами, каждым шагом выбирая слабинку. Лодка вздрогнула, нос приподнялся, раздался скрип.

- Навались! - крикнул Сабум тем, кто остался в воде. - Толкайте!

Гильгамеш шёл, согнувшись, натягивая бечеву. Лодка медленно, по сантиметрам, ползла следом, оставляя за кормой борозду в иле. Кровь проступила на плече под верёвкой, но он не останавливался.

Воины ошеломлённо смотрели, как царь тащит лодку, - босой, в грязной тунике, с верёвкой на плече, как простой бурлак. Кто-то из ветеранов шагнул к берегу:

- А ну, ребята, не срамитесь! Царь работает, а мы стоим?

Один за другим воины выбирались из воды, хватались за верёвку, становясь в цепочку.

- Вторую! - командовал кто-то из десятников. - Цепляйте вторую к первой! И третью!

Десять, двадцать, тридцать человек, натянув бечеву, тащили караван вдоль берега. Грязь чавкала под ногами, комары вились, но никто не роптал - все тянули в такт, не сбивая дыхания.

- И-и-и, раз! И-и-и, раз!

Два часа под палящим солнцем они медленно и натужно тащили лодки по грязи. Руки болели, колени подгибались, но караван двигался. И когда почти не осталось сил, когда Гильгамешу казалось, что верёвка впилась в плечо до кости, небо на востоке вдруг потемнело. Тяжёлые тучи закрыли солнце, первая капля упала на раскалённый песок, тут же испарившись.

За ней - вторая, третья... хлынул ливень - сильный, тёплый, проливной, какого не видели в этих краях с начала лета. Вода заливала лица, смывала пот и кровь, люди, спотыкаясь, останавливались, поднимая лица к небу.

- Дождь! - закричал кто-то. - Дождь идёт!

Словно по мановению богов, уровень воды в канале начал подниматься. Вода прибывала на глазах, поднимаясь на палец, на два. Лодки, ещё минуту назад лежавшие в иле, закачались, поднятые прибывающей водой. Гребцы, наскоро собрав бечеву, кинулись к бортам, хватаясь за вёсла.

- Вёсла на воду! - крикнул Гильгамеш, срывая голос. Его лицо, мокрое от дождя, расплылось в улыбке - впервые за весь день.

- Вёсла на воду! - продублировали команду на других судах. - И-и-и раз! И-и-и раз!

Лодки обрели плавучесть. Лопасты дружно вошли в воду - глубина вернулась. Канал снова стал судоходным.

Сабум, стоя по колено в воде, смотрел на царя. Ветеран

ухмыльнулся и рывкнул так, что его услышали на всех лодках:

- Ну что, щенки?! Боги не станут тянуть бечеву, пока вы ноете? Нас испытали - мы выдержали. Нам послали дождь. Это знак! Не ждите помощи - полагайтесь на себя! Боги не помогают тем, кто треплет языком.

Воины зашумели, заулыбались. Кто-то засмеялся, хлопая товарища по плечу.

Гильгамеш стряхнул с лица воду, поправил мокрую тунику и встал на носу головной лодки. Он оглядел караван, людей, небо, которое уже начинало светлеть, и сказал негромко, но твёрдо:

- Мы не ждали - мы делали. И боги пришли следом. Дорогу открывают не молитвы, а руки и спины.

Он поднял руку, все вёсла разом ударили по воде. Лодки рванули вперёд, оставляя позади заболоченный участок и комаров. Дождь кончился, небо светлело, но вода в канале прибывала. Путь был открыт.

К вечеру они вышли из низких болотистых берегов на просторную гладь. Поля ячменя уходили за горизонт, а впереди замаячили курганы могильников - предвестники Ниппура.

Сцена 07. Ливанский хребет.

Настоящее время.

Горы стоят, как острова в белом море: облака под нашими ногами заполняют долины, и только чёрные каменные греб-

ни и белые шапки снегов торчат над ними, словно головы богов. Внизу мир тонет в тумане, а здесь воздух прозрачен и жесток – каждое дыхание ранит грудь изнутри. Холод пробирает до костей.

Кажется, мы вторглись в чертоги богов, и нам здесь не рады.

Три дня назад наш отряд в двести человек вышел из Баальбека. Настроение было подавленным. Перед глазами стояло детское тельце, скользящее по раскалённой бронзе в огонь. Не хочу вспоминать, но и забыть невозможно.

Проводника нашли быстро. Вернее, он сам нас нашёл. Невысокий коренастый горец с обветренным лицом и цепкими глазами, которые никогда не смотрели прямо. Уроженец этих гор. Другие отказались, как только узнали, что идём мы в самое логово Хумбабы.

Этот согласился. Запросил тройную цену и предупредил: мы можем не дойти живыми до священного леса. А если каким-то чудом дойдём, то наверняка не вернёмся. Сам он в кедровую чашу ни ногой, только доведёт. Выбора не было.

Отряд выстроился на окраине Баальбека. Двести человек. Половина – воины, вторая половина – лесорубы и плотоводы. Сорок ослов с провизией и инструментами. Энкиду замыкал колонну. Шугеш бежала рядом с ним, то исчезая в высокой траве, то появляясь снова.

Мы двинулись на запад.

Первый день не предвещал бед. Долина Бекаа постепенно сужалась, предгорья поднимались пологими волнами. Сухая каменистая почва, редкие кусты фисташки и тамариска. Люди переговаривались, спорили о чём-то.

В полдень Ирку, так звали нашего проводника, поравнялся со мной. Дышал легко, не запыхавшись, хотя шли на подъём уже полдня.

- Царь, - сказал он негромко. - Должен предупредить. То, что вы видели в Баальбеке, - это детские забавы. Хумбаба гораздо страшнее.

Он сделал паузу, посмотрев на горы.

- Хумбаба - другой. Он живёт в лесу. Сам лес - его тело. Каждый кедр - его палец. Когда чужак приходит рубить - Хумбаба чувствует боль. И кричит.

- Кричит?

- Ночью. Ты услышишь. Все слышат. - Ирку понизил голос. - Мой отец водил однажды экспедицию. Двадцать человек. Все крепкие, все с оружием. На третью ночь они услышали крик. Не зверь, не человек. Другое... большее. Они побежали. Бросили всё - инструменты, ослов, даже мечи. Восемнадцать вернулись. Двое - нет.

- Что с ними?

Ирку пожал плечами.

- Хумбаба забирает. Иногда - сразу. Иногда - ждёт. Один из вернувшихся сошёл с ума. Говорил, что Хумбаба дышит на него. Что его дыхание - как огонь. Сгорел заживо, хотя

огня не было.

Я посмотрел на него. Лицо спокойное, глаза - всё так же в сторону.

- Интересная история, - сказал я. - Кто её придумал?

Ирку не моргнул.

- Никто, царь. Я говорю, потому что ты должен знать.

Вечером мы разбили лагерь у небольшого источника. Эн-киду лёг рядом с Шугеш. Собака положила морду ему на бедро.

Проводник подсел к костру и продолжил рассказ о Хумбабе:

- Он ростом с кедр - если встанет, голова теряется в ветвях. Тело как дерево в шкуре зверя, кожа тёмная, потрескавшаяся, словно кора; по плечам свисает лохматая грива, как спутавшиеся корни. Кто-то говорит, что его лицо как у человека, но исковерканное, будто его выжгли огнём; другие - что лица вообще нет, только маска из переплетённых корней и жил. Глаза - два угля в темноте. Смотришь и чувствуешь, как сохнет рот и немеют ноги.

Воины притихли, оглядываясь по сторонам. Они привыкли жить в степи, где виден горизонт. Любую опасность можно заметить издали. А здесь, в предгорье, за каждым кустом какое-то сопение, топот и недовольное бормотание. Будто сам Хумбаба подкрадывается к лагерю.

Пошли проверить. Посветили факелом. Это хохлатые ди-

кобразы затеяли возню.

Проводник пояснил, что дикобразы - главные соглядатаи Хумбабы. Теперь он знает о нас и непременно придёт.

- У Хумбабы шею обнимают жилы, как змеи. Когда он злится, его лицо распухает, как надутый мех, и глаза становятся больше кулака. Тот, на кого он так посмотрит, потом не может ни кричать, ни бежать - стоит, как столб, пока чудовище не подойдёт.

Я не спал. Смотрел на горы, что темнели впереди.

Шугеш вдруг подняла голову. Принюхалась. Тихо зарычала.

Энкиду открыл один глаз.

- Кошка, - сказал он сонно. - Далеко. Спи.

Глаз закрылся.

На второй день тропа пошла круто вверх. Предгорья сменялись дубовыми лесами. Дубы были невысокими, кривыми, с густыми кронами. Воздух стал влажнее, пахло листвой.

Люди замолчали. Тяжесть подъёма забирала дыхание, узкие тропы не позволяли идти в ряд.

Шугеш снова остановилась. Вскинула голову. Зарычала - низко, горлом.

Энкиду оказался рядом с ней в три прыжка.

- Что там? - спросил я.

Он принюхался. Ноздри раздувались.

- Кот, - сказал он. - Большой кот. Прошёл где-то рядом.

На влажной земле у родника следы лап - четыре пальца, без когтей. Отпечаток крупнее моей ладони.

Ирку смотрел на след, и его лицо было серым.

- Лев, - сказал он. - Но не обычный. Это - сторож Хумбабы. Он выпускает льва, когда чужаки подходят близко.

- Львов не выпускают, - заметил Энкиду. - Лев ходит, где хочет.

- Не здесь, - покачал головой Ирку. - Здесь всё по воле Хумбабы. Он знает про нас. Мы нашли однажды людей с востока. Их было трое. Доспехи целы, кости - перемолоты. Будто их жевала огромная пасть и выплюнула.

- Идём, - сказал я. - Лев не нападёт на отряд.

Ночевали на склоне горы, в небольшой ложбине. Костры не разводили - слишком открытое место, и дрова были сырыми.

Вой начался около полуночи.

Сначала - один голос. Далёкий, протяжный. Не волк - слишком низкий, слишком густой. Потом - второй. Третий. Звук шёл оттуда, куда нам предстояло идти.

Люди зашевелились. Кто-то встал. Кто-то потянулся к оружию.

- Лежите, - сказал я, не поворачиваясь. - Волки не придут в лагерь.

- Это не волки, - произнёс Ирку из темноты ровным голосом. - Это Хумбаба. Он будит лес. Говорит, что враги при-

шли. Он кричит - гора отвечает семью голосами. Тогда козы бросаются с уступов, а люди хватаются за опору, лишь бы не упасть от ужаса.

Вой продолжался. То затихая, то вспыхивая снова. Звук заполнял ночь, делал её живой и враждебной.

Сабум поднялся и подошёл ко мне.

- Люди говорят, - сказал он тихо.

- Что говорят?

- Что Хумбаба - не человек. Что его нельзя убить нашим оружием.

Я не ответил. Вой продолжался. Мне вдруг показалось, что в нём есть ритм. Не природный. Слишком ровные интервалы. Слишком знакомые мотивы.

Устал, наверное.

Сегодня мы вышли из лесного пояса. Деревья редели, сменяясь кустарником и каменными осыпями. Мы шли сквозь облака. Воздух был сырым, промозглым и пустым. Сколько ни втяни в грудь - хочется сделать ещё глоток. Отдышка даже при лёгком подъёме. Одежда мокрая, силы оставляют.

Облака остались внизу. Сухой и колючий воздух высушил губы. Дыхание давалось труднее, люди часто останавливались, открывая рот, как рыба на берегу.

Привал.

Ирку опять завёл разговор про ужасного монстра:

- Хумбаба забирает дыхание. Так он делает со всеми, кто

подходит к священному лесу. Сначала - воздух. Потом - силы. Потом - разум. Он - не зверь и не человек. Он - дыхание самих кедров и гнев гор, собранный в одно тело. Кто идёт к его лесу с топором, идёт к нему в открытый рот. У Хумбабы семь лиц или семь гневов: одно - лицо зверя; другое - лицо старика; третье - лицо без глаз, только рот, полный клыков; остальные, если кто и видел, - жив не остался.

Если он показывает человеку все свои лица, тот либо сходит с ума, бормочет и смеётся, пока не умирает; либо деревенеет, «становится столбом» - и его потом вплетают в корни ближайшего кедра.

Мне это начинает надоедать. Я поднимаюсь.

- Хватит болтать. Нужно идти. Спустимся с перевала, станет легче.

- Если мы спустимся с перевала, Хумбаба нас обратно не выпустит, - говорит Ирку. - Здесь проходит черта, от которой ещё можно отступить. Тот, кто переступит черту - обратно уже не вернётся.

За спиной послышался ропот:

- Может, ну его...

- Кедр нам всё равно не отдаст...

Я рывкаю на своих воинов:

- Молчать, бабы! Или мы пришли сюда, чтобы выслушать небылицы и вернуться к жёнам с пустыми руками? Над нами даже пастухи будут смеяться - они не останавливаются на

полпути.

К полудню мы выходим к перевалу.

Ирку вдруг останавливается.

- Смотри, - говорит он, указывая вниз.

У подножия осыпи, на каменной плите - останки. Человеческие. Череп, кости рук, рёбра. Разложенные не хаотично, а в определённом порядке: череп в центре, руки по бокам, рёбра - кругом, как лучи солнца.

Люди замирают.

- Это - послание, - голос проводника срывается. - Хумбаба говорит: вот что будет с теми, кто придёт за его деревьями. Он не прячет тела. Он показывает их. Чтобы другие знали.

Я спускаюсь к костям. Осматриваю.

Череп старый - выбеленный солнцем, треснувший. Кости тоже - сухие, рассыпающиеся. Не свежие. Месяцев шесть, может, год. Но разложены с такой симметрией, будто их укладывали руками, а не лапами.

- Где ты видел такое раньше? - спрашиваю я.

Ирку не отвечает.

- Я спрашиваю: где ты видел, чтобы Хумбаба раскладывал кости вот так? В круг? С руками по бокам?

- Так... так всегда, - отвечает он. - Это его знак.

- Это сделали люди. Демоны таким заниматься не станут.
- говорю я, поднимаясь.

Камень скатывается примерно через час.

Мы идём по узкому карнизу. Слева - гора. Справа - обрыв.

Удар - и один из ослов исчезает за краем обрыва. Мы слышим, как он катится, как лязгают выюки, как наконец - глухой удар далеко внизу.

Крик погонщика обрывается.

- Стоять! - кричу я. - Всем стоять!

Люди замирают.

Сабум подходит ко мне.

- Там ещё камни, - говорит он, глядя вверх. - Видишь?

Я вижу. На склоне выше тропы - осыпь. Неустойчивая, свежая.

- Обойти нельзя?

- Можно. Но это добавит полдня.

- Обходим.

Ирку стоит в стороне. Я замечаю: он не смотрит на осыпь. Он смотрит рядом - туда, где из-за гребня показывается фигура. Человеческая. На мгновение - и исчезает.

Я прищуриваюсь. Ничего. Показалось - или нет?

Тропа петляет по каменным карнизам, уходит в расселины, выходит на узкие уступы. Ослы скользят, люди цепляются за стену. Энкиду идёт последним, помогает отстающим, подталкивает упирающихся животных.

К вечеру мы оказываемся в узком ущелье. Стены - по обеим сторонам, метров двадцать высотой. Тропа идёт по дну, между камнями и ручьём.

Ирку останавливается.

- Здесь, - говорит он. - Ночуем. Завтра дневной переход.

Я осматриваюсь. Узко, но есть где разместить людей. Вода

- рядом. Защита от ветра.

- Хорошо.

Разбиваем лагерь. Разжигаем маленькие костры - между стенами дым не выдаёт нашего присутствия.

Люди устали. Едим молча, ложимся спать.

Ирку не ложится. Сидит у входа в ущелье, поглядывает вверх.

Я лежу, но не сплю. Думаю.

Костры гаснут. Темнота становится полной.

Где-то в ущелье - шорох. Лёгкий, как шаги.

Открываю глаза. Темнота. Ничего не видно.

Шугеш тихо рычит.

- Энкиду, - шепчу я.

- Слышу, - отвечает он из темноты.

Шорох повторяется. Сверху. Камни по камням.

Потом - грохот.

Удар приходится в тридцати шагах от входа в ущелье.

Огромные камни рушатся с обеих стен одновременно, загородив путь назад. Поднимается облако пыли, осколки сыплются вниз. Крики - чьи-то крики - обрываются, заглушенные грохотом.

Второй удар - впереди, там, где ущелье сужалось. Ещё один завал. Теперь мы заперты: стена камней сзади, стена

камней впереди.

- Дайте свет! - кричу я. - Не бегать! Всем стоять!

Свет факелов мелькает в пыли. Лица - белые, искажённые.

- Собрать людей! - кричит Сабум, уже на ногах. - Все ко мне! Считать!

Люди собираются в центре ущелья, путаются друг с другом, толкаются. Кто-то стонет на земле. Кто-то зовёт на помощь.

- Тихо! - рявкаю я. - Сабум - люди!

Сабум считает. Я помогаю ему, хватаю бегущих, ставлю в ряд.

Сто девяносто семь. Сто девяносто восемь. Сто девяносто девять.

Двести.

Трое отсутствуют.

- Ирку! - кричу я. - Ирку!

Тишина.

Сабум бежит к заднему завалу. Я - к переднему. Освещаем факелами, ищем среди камней.

У заднего завала находим раненого. Он лежит под каменной глыбой, которая придавила ему ноги. Живой, но без сознания. Кровь на камнях - сломанная голень, может, хуже.

Второй - дальше. Его накрыло обломками. Сдвигаем камни - видим: мёртвый. Череп раздроблен. Умер мгновенно, не успев понять.

Третьего находим у переднего завала. Тоже мёртвый. Ка-

мень попал в грудь.

Я стою над телом и смотрю на него. Грузчик из Киша, Уршар. Вчера обсуждал с товарищем кедры. Говорил, что пахнут они лучше, чем любые благовония.

- Ирку! - кричу я ещё раз. - Где ты, собака?

В ответ только эхо - «собака... собака... собака...»

Сабум возвращается. Лицо серое от пыли и от того, что он узнал.

- Его нет, царь. Ни живого, ни мёртвого. Ушёл, пока мы спали. Не случайный это обвал.

Я смотрю на стены ущелья. Двадцать метров. Гладкие, почти вертикальные. Несколько скользких уступов.

- Можно лезть, - говорит Энкиду.

Я оборачиваюсь. Он стоит у левой стены, взгляд устремлён вверх. Касается ладонями камня. Проводит рукой. Находит уступ - узкий, в два пальца шириной.

- Двадцать метров, - напоминает Сабум.

- Можно лезть, - повторяет Энкиду.

Он передаёт мне факел, накидывает на плечо моток верёвки и лезет. Не как человек - как кошка. Тело прижато к стене, пальцы находят уступы, которых я даже не вижу. Он двигается быстро, но без суеты. Каждое движение - выверенное, точное.

Шугеш внизу скулит, крутится на месте.

Через минуту Энкиду на вершине. Силуэт на фоне звёздного неба.

Он закрепляет верёвку за дерево. Проверяет - тянет, дёргает.

- Держит!

Свободный конец бросает вниз.

Следом поднимаются ещё два десятка воинов. По одному, по двое. Скидывают ещё концы. Стена сложная, но когда сверху подтягивают и страхуют - легче.

Раненого - того, что лежал под камнем, - поднимаем на носилках. Наверху тянут, внизу поддерживают, чтобы не раскачивался. Он стонет, но остаётся в сознании.

Мёртвых оставляем внизу. Мы не можем их взять - и я не трачу время. Они будут погребены, когда вернёмся. Если вернёмся.

Ослов поднимаем в конце.

Это непросто. Животное не понимает, что от него хотят. Бьётся, упирается, кричит. Первого поднимаем за передние и задние ноги - четверо мужчин сверху, четверо внизу. Ослик дёргается, верёвки держат. Через десять минут он стоит на гребне, дрожа всем телом.

Второго - так же. Третьего. Четвёртого.

На пятом верёвка перетирается о край камня. Лопается. Осёл падает - невысоко, метра три. Ударяется боком, визжит.
- Живой! - кричит кто-то снизу. - Стоит!

Пришлось перевязывать узлы. Теряем полчаса.

Я поднимаюсь последним.

Энкиду помогает перебраться через гребень.

Сабум подсчитывает.

- Двести, царь. Все живые, кроме двоих.

Он не говорит о раненном. Я и так вижу: ногу зафиксировали двумя жердями, лежит на земле, бледный, но молчит. Выживет. Хромым, но выживет.

Внизу, на западном склоне - чаша кедрового леса. Тёмная, почти чёрная в лунном свете. Огромные стволы, как колонны храма.

И там же - те, кто завалил нас в ущелье.

Не демоны - люди.

Я щурюсь в темноту. У опушки леса мелькают тени. Не деревья - люди. Они смотрят на нас, в их руках блестит ме-

талл. Я вижу их ясно: десятки, может, сотня. Воины Хумбабы, такие же смертные, как мы.

Хумбаба - лишь маска, за которой прячутся люди. Маски. Всюду - маски.

Вот он, порог легенды, за которым начинаются чудеса. Там же они закончатся. Начинается война с людьми, которые прячутся за ликами богов.

Сцена 08. Жрец Хумбабы.

Ливанский хребет. Настоящее время.

Пыль обрушенных камней всё ещё хрустит на зубах. Мы выходим на каменную террасу. Измученные воины падают у костров, не разжимая рук на древках копий. Ослы, навьюченные поклажей, нервно перебирают ногами.

Тёмная масса кедров - как зелёное озеро среди каменных гор, увенчанных снеговыми вершинами, уходящими за облака.

В Уруке воздух был тяжёлым и тёплым - им можно надышаться до отрыжки, как хмельным пивом. Здесь воздух пустой: сколько ни вдыхай - насыщение не приходит.

Неспокойно. Неслучайно вооружённые люди суетились на краю леса. Ждём гостей. Сразу нападут или сначала придут знакомиться? В любом случае приходится быть начеку.

Лагерь разбит на площадке, обрывающейся в долину. Далеко внизу темнеет река Кадиша. Над ней клубится туман, а перед нами раскинулся кедровый лес.

Стволы - толще колонн храма Энлиля. Кора в глубоких

трещинах, тёмная, почти чёрная, словно обугленная. Вверху кроны сплетаются так плотно, что предрассветное небо сквозь них не пробивается. Говорят, и в солнечный день у подножий кедров царит полумрак. Лес стоит стеной, от него исходит смолистый запах - тягучий, забивающий ноздри.

Лугалзу устраивается у костра, улыбаясь своей тонкой, циничной улыбкой.

- Красиво, - говорит он, глубоко вдыхая. - Никогда не думал, что у страха может быть такой запах. В Уруке страх пахнет потом и гнилыми финиками. А здесь, чувствуете? - он поводит носом. - Роскошь. Сложим кости среди кедра как богачи.

Энкиду стоит у края террасы, вглядываясь в тени между стволами. Шугеш сидит рядом. Собака не рычит, но её уши насторожены, а ноздри вздрагивают, втягивая воздух.

Сначала замечаем движение между деревьями. Тени отделяются от стволов. Показываются фигуры. Всё больше и больше. Они выстраиваются полукругом на краю леса, в пятидесяти шагах от лагеря. Двести человек. Триста. Пятьсот. Считать перестаю - они прибывают из чащи, будто лес порождает их.

Мужчины - с копьями, луками, каменными топорами. За ними - старики, женщины, подростки. Они не кричат, не угрожают. Просто стоят и смотрят.

- Хурриты. У нас двести человек. Воинов не больше сотни, мрачно подсчитывает Сабум. - Их гораздо больше.

- У них тоже не все воины, - говорю я. - Видишь женщин? Стариков? Это не армия. Это община. Собрали всех, кто может ходить, чтобы показать числом.

- Они пришли не драться, - произносит Энкиду.

- Откуда знаешь?

- Запах. Когда хотят драться - пот, желчь. Здесь нет. Эти... ждут.

Я смотрю на него. Мой брат говорит так просто, будто читает следы на грязной дороге.

- Они пришли пообедать, - Лугалзу подходит сзади. - Выбирают, с кого начать. Тебе, Энкиду, конечно, не о чем беспокоиться - на твои жилы и кости никто не позарится. А вот мне запах совсем не нравится.

Раздаётся звук. Не бой барабанов - низкий, мычащий гул, похожий на далёкий рёв быка. Он повторяется.

Толпа хурритов расступается.

Выходит процессия. Несколько воинов с щитами - на щитах кедровые шишки и рогатые черепа животных. За ними - носильщики с курильницами, от которых валит густой белый дым. В центре - Он.

Два плотовода из Киша стоят рядом со мной. Старший, Эллиди, уже бывал здесь. Младший тоже знает язык хурритов.

- Это жрец, - шепчет мне старший. - Верховный жрец Хумбабы. Будет говорить от его имени.

Я видел многое: царей, послов, наёмных убийц, жрецов.

Но такого зрелища не помню. Этого несут на носилках, словно статую бога. Четыре человека в масках из коры опускают носилки на землю. Жрец поднимается на ноги.

Маска.

Она вырезана из цельного куска кедра, тяжёлая, тёмная от времени и смолы. Лоб и щёки покрывает резьба - переплетённые линии, извивающиеся, как кишки. Глаза - две глубокие ниши, залитые чёрным битумом, а в глубине что-то мерцает: уголья или бронзовые вставки. В отблесках факелов кажется, что глаза пылают.

По краям маски встроены рога дикого быка. Под ними - подвешенные клыки: кабаньи, леопардовые. Ротовое отверстие прорезано, но закрыто тонкой бронзовой решёткой.

Человек в маске сух, жилист. Узловатые пальцы покрыты татуировками. Длинный плащ из полос кедровой коры, пропитанных смолой, покрывает плечи. При движении кора шуршит, как сухие ветви.

В руке - посох с навершием в форме шишки. По нему вырезаны символы: лев, орёл, змея.

Жрец идёт медленно. От него исходит запах - не человеческий. Лесной. Древесный. Будто кедр обрёл ноги и идёт мне навстречу.

Он поднимает посох.

Раздаётся голос - глухой, искажённый бронзовой решёткой. Не человеческий. Многоголосый. Будто звучат несколько голосов одновременно.

Эллиди наклоняется ко мне.

- Он зовёт Баала, - переводит он тихо. - Владыку гор и ветров. Называет Хумбабу его рукой и лицом в этом лесу. Говорит... говорит, что сегодня пришли чужие, и боги должны услышать.

Жрец опускает посох. Один из носильщиков кладёт к его ногам каменную плиту - жертвенник. На неё - кедровые ветви, хлеб, чашу с тёмной жидкостью.

Жрец поджигает ветви. Валит дым, щиплет глаза.

Речь длится долго.

Толмачи переводят чуть слышно, наклоняясь к моему уху. Дополняют друг друга.

- Этот лес не ваш и не наш. Он принадлежит Баалу. Хумбаба - его страж. Он знает каждый ствол, слышит каждый удар топора.

Мы - дети этой горы. Наши отцы и деды заключили завет с богами: мы храним лес от жадных рук, а боги дают нам воду, дичь и жизнь. Чужак с топором вступает в договор не

с нами, а с богами.

В лунный месяц можно рубить не больше двух кедров. Помеченных жрецом. Перед рубкой - жертвоприношение. Бык или овца, хлеб, вино. Жрец окропляет ствол смолой и кровью. Первая чурка - богам.

Каждое дерево - рана лесу. Чтобы рана зажила - нужен обряд. Каждый десятый ствол - нам. Каждая десятая часть добычи - богам, через наши руки.

Эллиди трогает меня за локоть.

- Это значит: лучшие брёвна - жрецам и вождям, - шепчет он. - Остальные - на продажу. Так всегда было.

Я киваю. Слушаю дальше.

Жрец переходит к угрозам.

Голос сквозь маску становится более тихим - и более зловещим.

- Ты пришёл издалека, царь Урука. Твой путь был тяжёл, и горы уже взяли плату кровью твоих людей.

Эллиди переводит. Я не шевелюсь.

- Не умножай эту плату. Два дерева в месяц - и лес забудет твои следы. Больше - и Хумбаба запомнит твоё имя.

Толмач добавляет от себя:

- Это не пустая угроза, царь. Так уже было. Экспедиция из Эблы, лет двадцать назад. Пятнадцать человек. Вернулся один. Он не мог говорить. Только сидел и смотрел в стену. Умер через месяц.

- От чего?

- Не знаю. Его тошнило кровью. Жрецы сказали - Хумбаба высосал его изнутри.

- А ты что думаешь?

Эллиди заминается.

- Я думаю... я думаю, что отравили. Может, дымом. Они в дымах разбираются. В охоте используют. Доказать нельзя.

Жрец стоит, ожидая ответа. За его спиной - сотни глаз. Молчание тянется.

Лугалзу шепчет мне на ухо:

- Два кедра в месяц. Это насмешка. Пятьсот стволов - за двадцать лет не управимся.

- Умею считать, - обрываю его.

Молчу. Смотрю на маску. На битумные глаза, в которых мерцают угольки. На рогатый силуэт, вставший между мной и лесом.

За спиной жреца - кедры. Тысячи кедров. Стволы, которые нужны для стен Урука. Для храма Лугальбанды.

Делаю шаг вперёд. Толмачи неуверенно следуют за мной.

- Переводи, - говорю я негромко. - Я выслушал его. Теперь пусть услышит он.

Эллиди переводит. Жрец не шевелится.

- Скажи: я - Гильгамеш, царь Урука, сын Лугальбанды. Я пришёл не красть. Я пришёл покупать. Но я не кланяюсь Баалу и не собираюсь плясать под его бубны.

Толмач запинается.

- Царь, может, не надо про «пляски с бубном»...

- Переводи.

Жрец стоит неподвижно, пока Эллиди переводит. Маска остаётся неподвижной. Руки, сжимающие посох, напрягаются.

- Скажи ему: два кедра в месяц - для торговцев, что продают дерево по кусочкам. Я строю город. Мне нужно пятьсот стволов. За год-полтора. Это - по одному кедру в день.

Толмач переводит. По толпе хурритов пробегает ропот.

Жрец поднимает посох. Ударяет им о землю. Ропот обрывается.

Голос сквозь маску:

- Один кедр в день - Хумбаба не позволит.

- Тогда пусть придёт и запретит мне. Лицом к лицу.

Маска смотрит на меня - пустые битумные глаза, мерцающие угольки. За его спиной воины сжимают копья.

Затем он медленно поворачивается и идёт обратно в лес. Процессия движется за ним. Дым рассеивается. Хурриты отступают, пятясь спиной.

Эллиди вытирает пот со лба и переводит последние слова жреца:

- Ты слышал волю Хумбабы. Теперь молись своим богам. Ни боги, ни люди не защитят вас в этом лесу.

Сцена 09. Переправа.

Окрестности Ниппура. Три месяца назад.

Обоз растянулся на три сотни шагов. Пятьдесят ослов, нагруженных инструментами - топоры, клинья, верёвки, мехи

для воды. Две повозки с запасом ячменя и фиников. Сто человек - воины, плотники, слуги. Шугеш бежала, высунув язык, периодически отряхиваясь.

Пыль здесь не та, что поднимают копыта в степи - сухую, оседающую за минуты. Здесь, между ячменными полями, она липкая, тяжёлая, смешанная с испарениями оросительных каналов. Она оседала на коже, забивалась в ноздри, прилипала к потному телу. Энкиду шёл впереди обоза, а пыльный шлейф тянулся за ним, как хвост змеи.

Мелкая змея - не длиннее локтя, серая, с тёмной полосой вдоль спины - метнулась с дороги в ячмень. Шугеш рванулась следом, но Энкиду осадил: пусть уходит.

Вдоль поля семенили мыши - быстро, без страха. Людям не было до них дела: здесь сеяли и жали. Мышь пробежала буквально по ногам одного из погонщиков - тот даже не повернул головы.

Пальмовая роща осталась позади. Впереди тянулась дорога - две колеи, накатанные повозками в твёрдой супеси. По обе стороны дороги стоял ячмень - в человеческий рост. Колосья наливались, золотели на солнце. Жара давила, воздух дрожал, поля казались живыми - колыхались, мерцали.

Под вечер комары поднялись роем.

Сначала - мелкие мушки, потом - крупнее. Кружили, выбирали, впивались в открытые места. Лица и руки покрылись красными пятнами. Кто-то жёг сухой тростник, гнал дым - комары отступали, но возвращались, как только дым

рассеивался.

- Чтоб их демоны забрали, - выдохнул один из погонщиков, хлопнув себя по шее. Ладонь окрасилась кровью. - С каждым шагом всё больше.

- Терпи, солдат, сотником станешь, - ответил другой. - Через два дня будем в Ниппуре. Если не съедят живьём.

Энкиду смотрел вперёд, на дорогу, которая вилась между полей, перерезанная оросительными каналами. На переправах - либо деревянные мосты-настилы, либо обустроенные броды: крестьяне перегоняли по ним скот и перевозили урожай. Отряд старался выбирать мосты: броды были илистыми, животные вязли, переправа отнимала больше времени. Нужно было не ошибиться на развилке.

Но не всегда удавалось.

Некоторые настилы были старыми, подгнившими. Ослы через них вели по одному, соблюдая осторожность. Люди перебирались следом.

Резкий крик за спиной оборвал мысли.

Энкиду побежал на голос. Шугеш - рядом.

Обозники столпились у последней повозки. Молодой воин, лет двадцати, худой, со всклокоченными волосами - сидел на земле, держась за голень правой ноги. Лицо перекошено от боли. Рядом, на песке, корчилось насекомое чёрного цвета с поднятым хвостом.

Скорпион.

Энкиду раздавил его пяткой. Хрустнул панцирь.

Осмотрел ногу - маленькая ранка, вокруг которой быстро расползалась багровая опухоль. Пульс юноши участился, дыхание стало прерывистым.

- Толстохвостый, - сказал кто-то из погонщиков. - Если не помочь, может умереть к утру.

Энкиду вытащил из мешочка пучок сушёной травы, разжевал, приложил к ранке, сверху наложил повязку из тряпицы.

- Отёк спадёт, но ему нужен покой и вода.

Лугалзу подъехал на осле. Поинтересовался:

- Что случилось? Скорпион? - Он бросил взгляд на бледного воина. - Оставим в деревне. Там, за поворотом, я видел несколько хижин. Крестьяне присмотрят.

- Умрёт, если его оставить, - ответил Энкиду не оборачиваясь.

- А если мы его повезём - задержим весь обоз. Царь ждёт в Ниппуре. - Лугалзу наклонился, понизил голос. - Ты командир, а не лекарь.

Энкиду не спорил. Поднялся, снял поклажу с ближайшего осла, перекинул на своё плечо. Вес был приличный - мешки с зерном, инструменты. Распределил груз, подтянул ремни.

- Парень поедет на осле, - сказал он, глядя Лугалзу прямо в глаза. - Я понесу груз. Мы идём дальше.

- Но...

- Сейчас, - отрезал Энкиду тоном, не допускающим возражений. - Помогите ему сесть.

Погонщики подхватили юношу под мышки, усадили на осла. Воин был почти без сознания, голова моталась из стороны в сторону.

Колонна тронулась. Энкиду шёл впереди, согнувшись под тяжестью двух выюков.

Нужно было остановиться у воды, разбить лагерь и переждать ночь.

Вскоре нашли подходящую поляну - ровную, с травой, у края большого канала. Энкиду распорядился:

- Ставим лагерь здесь. До утра.
- Какой лагерь? - возмутился Лугалзу. - Мы теряем день!
- Он умрёт, если потащим дальше. - Энкиду указал на воина, который лежал на осле, тяжело дыша. - Отдых и вода - единственное, что может его спасти.

- Твою больную голову уже ничто не спасёт, - проворчал Лугалзу себе под нос. Сплюнул и отошёл к поклаже.

Лагерь обустроивали быстро. Погонщики распрягли ослов, напоили их и отпустили на выпас. Животные фыркали, отгоняя комаров хвостами.

Воины, освободившись от дел, взялись за рыбалку. Канал был широким, рыба водилась. Кто-то зашёл по пояс и, выслеживая добычу, бил копьём. Другой, самый удачливый, просто нагнулся, запустил руку в прибрежный ил и вытащил сома, который даже не успел удивиться. Третий способ - кусок грубой ткани, привязанный к двум палкам: воины заходили

с разных сторон, сводили концы и поднимали улов.

Вдоль дороги, что вела к деревне, уже маячили фигуры крестьян - они смотрели на незваных гостей с опаской и любопытством.

Энкиду подошёл к ним, поднял руку в знак мира.

- Мы не будем отбирать вашу еду, - сказал он. - Мы обменяем. У нас есть соль, наконечники для стрел, ткани. И ещё вот это.

Он показал глиняную табличку, которую взял у писца в обозе. На ней был оттиск царской печати и несколько знаков.

- Это расписка. Вы дадите нам ячмень, финики или мясо. Я дам вам табличку. Её можно предъявить вместо налога.

Крестьяне переглянулись. Один из стариков, морщинистый, с руками, покрытыми мозолями, осторожно взял табличку, повертел, разглядывая.

- Правда?

- Правда. Я - Энкиду, наречённый брат царя Гильгамеша. Вот моя печать. - Энкиду показал старику перстень.

- Хорошо, - старик кивнул, пряча табличку за пояс. - Мы принесём вам лепёшек и вяленого мяса. И фиников, если хотите.

К вечеру у костров собрались не только воины, но и местные жители. Крестьяне, особенно молодёжь, приходили послушать городские новости. Они сидели на корточках, смотрели на шумерских солдат во все глаза, переспрашивали про Урук, про царя, про войну с Кишем.

Энкиду сидел в стороне, наблюдая. Он не вмешивался в разговоры, но краем уха слышал, как воины бахвалились победами, перевирали события и приукрашивали подвиги. Крестьяне слушали, раскрыв рты, и улыбались.

Один из воинов - здоровенный, с бычьей шеей, по имени Нингирсу - был особенно разговорчив. Он уже приложился к бурдюку с вином, который нашёл в обозе. Речь его стала несвязной, а движения - размашистыми.

- А в Уруке, - вещал он, тыча пальцем в небо, - женщины не как у вас. Они носят тонкое льняное платье, и грудь открыта! Если ты воин, они сами приходят к тебе.

Крестьянки, сидевшие в стороне, переглядывались и хихикали, прикрывая рты ладонями. Одна из них, молодая, с тёмными косами, засмушалась и отвела взгляд.

Нингирсу поднялся, шатаясь, и направился к ней.

- Что, красавица, хочешь узнать настоящего воина?

Девушка попятилась, но он ухватил её за руку. Попыталась вырваться - он притянул её к себе, наклонился к лицу.

- Пусти, - испуганно сказала она.

- Не бойся, - засмеялся он. - Я просто покажу тебе, как любят воины.

Воин потащил девушку к ближайшим кустам и повалил, задрав подол. Она отбивалась, но силы были неравны.

Энкиду схватил насильника за одежду и отшвырнул в сторону.

Девушка вскочила, прижимая разорванную тунику. Глаза

- огромные, блестящие от слёз. Энкиду не смотрел на неё. Смотрел на воина.

Тот поднялся, качаясь. Пьяные глаза пытались сфокусироваться. Рука потянулась к ножу.

- Ты... ты чего, дикарь? Это моё...

Энкиду ударил его. Не так, как бил бы врага. Но чувствительно - чуть ниже груди. Воин согнулся, хватая ртом воздух. Энкиду взял его за горло, подтянул к себе.

- Я скажу один раз, - произнёс он. - Если тронешь девку без согласия - сломаю тебе руку. Если пойдёшь за ней - сломаю ногу. Понял?

Воин хрипел, кивал.

Энкиду разжал пальцы. Воин упал на колени, кашляя.

Девушка убежала - тонкая фигурка мелькнула в зарослях и исчезла в темноте.

Энкиду вернулся в лагерь. Шугеш шла рядом, оглядываясь. Несостоявшийся насильник остался у тростника.

Ночь прошла без сна. Энкиду сидел у догорающего костра и слушал, как вода плещется в канале. Шугеш лежала рядом, прислушиваясь к шорохам в камышах.

Утро пришло с туманом.

Белая пелена стелилась по земле, укрывая поля. Вода в канале была гладкой, как зеркало. Комаров не было - слишком рано, слишком влажно.

Энкиду проведал больного - нога оставалась красной, но

опухоль спала. Парень шевелил пальцами, морщился от боли, но шевелил. Опасность миновала.

- Готов в путь? - Энкиду сменил ему повязку. - На осле поедешь.

- Командир... спасибо...

Энкиду кивнул и пошёл собирать обоз.

Вскоре они двинулись в путь. Раненый на осле, мешок с поклажей снова на плече Энкиду. Шугеш рядом. Туман рассеивался, солнце поднималось, жара возвращалась.

К мосту подошли через час. К тому, что от него осталось. Настил размыло, доски унесло течением. Остались только сваи, торчавшие из воды, как обглоданные кости.

- Нужно возвращаться к развилке, - сказал один из погонщиков. - Вдоль берега с обозом не пройдем.

- Ещё день впустую, - раздражённо вставил Лугалзу. - И не факт, что выйдем к мосту.

Энкиду стоял на берегу, глядя на тёмную воду.

- Командир, - окликнул кто-то сзади. - Тебя вчерашний старик спрашивает.

Старик подошёл к каналу и встал рядом.

- Тут недалеко козья тропа. Брод через канал. Я покажу.

- Старик, ты шёл за нами от самой деревни, чтобы показать брод? - удивился Энкиду. - Почему?

- Вчера... Это была моя дочь.

Он повернулся и указал шестом вниз по течению.

- В ста шагах отсюда можно пройти. Там была плотина, теперь остался порог. По камням.

Сцена 10. Трудный выбор.

Ливанский хребет. Настоящее время.

Тени хурритов растворяются среди стволов. Лес смыкается за ними, словно никого не было. Ветерок относит запах дымного жертвенника.

- Два кедра в месяц, - медленно проговаривает Сабум, пробуя слова на вкус. - За двадцать лет не наберём того, что нам нужно. К тому времени стены станут прахом, и мы - вместе с ними.

- Чего ты ожидал, однорукий? - Лугалзу трёт шрам на брови. - Мы хотим священный обряд превратить в ремесло и поставить на поток. Это убьёт сакральность действия. Только представь ежедневные жертвоприношения и молебны по каждому срубленному дереву. Смех и фарс. Хумбаба перестанет быть владыкой леса, а через месяц на нашего жреца перестанут обращать внимание. Мало ли кто вертится под ногами в демонической маске и отвлекает от работы. Он никогда не пойдёт на наши условия. На этих обрядах держится его власть.

- Правильно, - вмешивается Энкиду. - Жреца нужно убить.

Лугалзу отступает на полшага, будто опасаясь испачкаться.

- Юноша, я не говорил, что жреца нужно убить. Такая глупость могла прийти только в звериную голову. Этого убьём - придёт другой, ещё злее. Кедров не получим. Хорошо, если ноги унесём. Жреца нужно не убивать. Его нужно купить.

- И как ты его купишь? - спрашиваю я. - Золотом? У них

его нет.

- Предложим нашу поддержку. Укрепим его власть нашим оружием. Пусть опирается на наши копья, а не на глупые обряды. Пусть даже жестокие.

У Энкиду от возмущения перехватывает дыхание.

- Ты видел, что они творят в Баальбеке? Они жгут младенцев и закапывают под фундамент. Ты предлагаешь дружить с этим чудовищем, детоубийцей?!

Лугалзу вздыхает, демонстрируя, как его утомляет непреходимая тупость дикаря.

- Это будет наше чудовище. Наш детоубийца. Разницу чувствуешь? Мы получаем кедр - он получает защиту. Все довольны, никакой крови. А ты предлагаешь пойти штурмом. Сто воинов против всей общины. Сабум, почему ты молчишь? Скажи ему. Нас перебьют, как только мы войдём в лес. Они здесь - у себя дома, и их много больше.

- Штурмом тут не возьмешь, - соглашается Сабум.

Энкиду не собирается отступать:

- Я один пойду в лес, выслежу этого кровавого шута в маске и отправлю к Баалу. Если тут нет смелых воинов, мне не впервой охотиться в одиночку. Сегодня они жгут детей в горах, завтра будут жечь в Уруке. Ты предлагаешь укрепить эту власть нашими руками. Я не останусь с теми, кто кормит гиену.

- Не горячись, Энкиду. Я ещё ничего не решил, - пытаюсь успокоить его. - Мы обсуждаем пути. Лугалзу, почему ты ду-

маешь, что жрец поверит нам? Кто мы для него? Небольшой отряд, забредший на священную землю. Пытаемся навязать свои правила. Наобещаем что угодно, срубим кедр - и поминай как звали.

- Вот сразу чувствуется государственный подход, великий царь. Не то, что этот, - виночерпий кивает в сторону Энкиду. - Словам не поверит. А если мы предложим ему царский титул через брак с самой настоящей принцессой Шумера? У Агги, нашего вассала, дочь на выданье. Жрец станет зятем Агги, царём этих мест и твоим вассалом. Наладим регулярные поставки кедра, расставим своих людей по маршруту. Никто здесь не покусится на его власть, пока мы не позволим. Через год вся община будет занята на лесоповале и транспортировке. А мы им - зерно, вино, ткани, инструменты.

Речь Лугалзу льётся гладко и убедительно.

Его план - чистый расчёт. Жрец получает брак, титул, покровительство сильнейшего города Шумера. Взамен - кедр. Не два ствола в месяц, а столько, сколько нужно. Без боя, без потерь. Классическая схема: сделать врага союзником, союзника - зависимым, а зависимого - послушным.

Я знаю: план рабочий. Любой царь на моём месте принял бы его. Агга взял бы. Анбу взял бы. Ибниадад взял бы.

Но прав Энкиду в другом: если мы выпустим демона из заточения - обратно уже не загоним.

Культ Баала - это не обычная власть. Она не опирается на войско, казну или родовые связи. Она опирается на страх. Первобытный, иррациональный страх перед тем, кого нельзя увидеть, но можно умолить. «Нет дождя - принеси ребён-

ка. Болеет скот - сожги ещё одного». Не надо строить каналы, укреплять дамбы. Баал предлагает чудовищно простое решение. Если просьба не услышана - значит, ты мало пожертвовал. Это усваивают ещё в детстве, и дальше уже не думают. Не нужно прилагать усилий, когда есть простой ответ на все вопросы.

Чем страшнее ложь, тем легче в неё поверить. Идея выходит за рамки сознания своим масштабом. Создаётся иллюзия, что она приходит извне, от могущественных сил, управляющих дождём и ветром.

Я знаю: эти идеи рождаются в воспалённом мозгу жрецов, скрывающихся под маской. Энкиду это чувствует, Лугалзу догадывается. А Сабум верит мне. Большинство людей - тоже. Если мы провозгласим жреца Хумбабы царём, мы поручимся за него. Мы скажем людям: он один из нас. Слушайте его.

Но я понимаю и то, чего не видят ни Лугалзу, ни Энкиду. Культ Баала разрушает связи между людьми. Каждый наедине со своим страхом. Здесь нет взаимовыручки, нет семейной привязанности, нет чувства «мы - одна семья», «мы - один народ». Только вертикаль: бог - жрец - прихожанин, несущий жертву. Он жертвует не собой - он жертвует своими близкими. Самыми близкими, которые слабее его. Прихожанин не принадлежит роду - он принадлежит богу. Он не помогает соседу - он несет жертву на алтарь своего благополучия. Не для семьи. Члены семьи - лишь пища для огня,

чтобы задобрить Баала.

Убрать верхушку - бога, его живое воплощение, - и община рассыплется как сухая глина. Останутся отдельные запуганные люди, не способные на организованное сопротивление.

Сейчас перед нами - войско фанатиков. После уничтожения бога - толпа, утратившая ориентиры.

План Лугалзу рабочий. Но он оставляет бога в живых. Оставляет жреца. Оставляет структуру, которая будет порождать нового Хумбабу, новую маску, новый страх.

План Энкиду - безумие. Штурм леса, война с превосходящим противником на его территории. Вероятность гибели огромна.

Но.

Если мы уничтожим культ, мы уничтожим не просто жреца. Мы уничтожим саму ложь, которая порождает жрецов.

- Лугалзу, - говорю я. - Твой план хорош.

Он выпрямляется, удивлённый похвалой.

- Если бы я хотел только кедр, я бы принял его. Но Энкиду прав.

Энкиду глядит на меня. Шугеш поднимает голову, прислушиваясь к моему голосу.

- Мы не можем позволить культу укрепляться и расти. Нужно уничтожить то, что делает его сильным, - продолжаю я. - Пока они верят в могущество Хумбабы, нам их не одолеть. Всегда найдётся другой жрец. Маска сменит лицо - и

ничего не изменится. Но если будет повержен Хумбаба, разрушено его святилище, жрец станет просто человеком в деревянной личине. А с человеком в личине можно не церемониться. Нам нужно найти и сокрушить святилище Хумбабы, показать его бессилие, развеять морок величия. Это пошатнёт весь культ Баала.

Ни Лугалзу, ни Энкиду не возражают. Сабум молчит, глядя на огонь. Затем ветеран говорит коротко, словно рубит сплеча:

- Как ты себе это представляешь, великий царь? Где нам искать его логово?

- Я пойду в лес и найду его, - выступает вперёд Энкиду.

- Нет, брат мой, ты не пойдёшь в лес. Здесь ты чужой. Лес тебя погубит. Они сами приведут нас в святилище.

Лугалзу язвительно замечает:

- Ну конечно, мы попросимся к ним на молебен. Обрести истинную веру. У меня даже есть предложения насчёт жертвы. - Он многозначительно смотрит на Энкиду.

Я пропускаю колкость мимо ушей и продолжаю:

- Мы спровоцируем их вылазку. Начнём рубку - не тайком, а открыто, как хозяева. Они не стерпят. Общую мобилизацию сразу не проведут, начнут с мелких набегов. Тогда нам не придётся искать по лесу - они сами выйдут к нам. Захватим нескольких, те покажут дорогу.

- А если не покажут? Они же фанатики, - не унимается Лугалзу.

- Зачем им скрывать своего властелина? Хурриты верят, что Хумбаба испепелит нас одним взглядом, как только мы приблизимся к святилищу. Иначе быть не может - это сердце их веры.

Я смотрю на тёмную стену кедров. Луна пробивается сквозь кроны робко, будто боится смотреть вниз.

- Завтра на рассвете начинаем рубку. Жрец должен увидеть, что мы не уйдём. Он сделает первый шаг. А мы будем готовы.

Сцена 11. Ниппур.

Три месяца назад.

Ниппур был другим. Не таким, как Урук. За много километров Энкиду увидел зиккурат Экура - Дома Горы, храм Энлиля. Именно зиккурат был той горой, что дала имя святилищу. Он возвышался посреди плоской равнины и, казалось, висел в воздухе, как кусок небесной скалы. Место, священное для всего Шумера.

С победой Гильгамеша над Аггой Ниппур формально перешёл под протекторат Урука, но горожане не считали себя подданными какого-либо царя. Живя в соседстве с главным храмом Энлиля, они подчинялись напрямую богу. Любой правитель Шумера был в Ниппуре не владыкой, а гостем и просителем.

- Здесь царствует не Урук и не Киш. Здесь царствует Энлиль. Он решает, кому быть царём. Мы лишь храним его дом, - говорили горожане.

Ниппур подчёркивал свою отстранённость от споров царей и не принимал участия в недавнем конфликте.

Тут был свой правитель, но его дворец терялся на фоне величия Храма. Главные улицы города, казалось, брали исток на его вершине и текли к окраинам, словно Евфрат и Тигр, несущие воды с Анатолийских гор.

Толпы паломников со всего Шумера шли сюда за благословением, оправданием и исцелением. Нищие и убогие, купцы и ремесленники, старейшины и правители - Энлиль был хозяином их страхов и надежд.

- Если Гильгамеш получит благословение Энлиля, наш поход будет не просто авантюрой царя Урука, а богоугодной миссией, - заметил Лугалзу, стоя за спиной Энкиду.

По мере приближения к городу ощущение величия усиливалось. Зиккурат вознёсся над прочими сооружениями как связующее звено между небом и землёй. Сам Шамаш выглядывал с небосвода из за его вершины лишь с позволения.

Ниппур делился на две части. Внешняя: обычные дома, лавки, мастерские, дворы; запах жареного ячменя и навоза. Внутренний, священный район был обнесён высокой стеной. Вход в него организован через специальные ворота, украшенные символами Энлиля: жезл, рогатая корона, знаки ветра. Простолюдинов сюда пускали, но не далее заветной черты. Снаружи - обычный городской шум: торговцы, погонщики, детские голоса, окрики стражи. Внутри - приглушённый шёпот, лёгкие шаги, неспешные движения. Даже воины по-

чтительно замедляли шаг и приглушали голос.

Отряд Гильгамеша расквартировался во внешнем городе на трёх постоянных дворах вблизи храмового комплекса. Город принимал огромное количество паломников; две сотни неприхотливых путников легко нашли себе место в этом муравейнике.

Энкиду не пришлось долго искать. Сабум и Лугалзу были в Ниппуре раньше - знали примерно, где может разместить отряд. Обоз прибыл почти через сутки после отряда Гильгамеша. Это никого не удивило - путь посуху всегда медленнее, чем по воде.

- Как встретили тебя местные жрецы? - спросил Энкиду после братских объятий.

- Как обычно, со снобизмом, - ответил Гильгамеш. - Они считают себя городом Энлиля, а не чьими-то вассалами. Цари вокруг, я или Агга, - вроде внешнего периметра охраны. Мои дары храму жрецы восприняли как обет Энлилю и не более того.

Подошёл Лугалзу.

- Они благословят наш поход?

- Пока виляют, нагоняют важность. Дескать, нужно провести необходимые обряды, получить знаки от Энлиля, только он решает, что и как.

- Куда они денутся? - проворчал Сабум. - Они уже примеряют, долю трофеев от нашего похода. Будут упрямитесь - останутся ни с чем. Ограничимся молитвами.

- Размещай своих людей, Энкиду, и приводи себя в порядок. Завтра мы примем участие в ритуальных мероприятиях по случаю моего прибытия. Будем возносить молитву Энлилю о предстоящем походе. Потом шествие по городу.

- По каким улицам пойдёт шествие? - спросил Сабум. - Нужно заранее очистить путь и расставить стражу на перекрёстках, чтобы местные не путались под ногами.

- Ты ещё прикажи выгнать всех горожан в степь, - посоветовал Лугалзу. - Церемония проводится для людей. Горожане и паломники должны видеть своего царя, воздать ему хвалу, поклониться. Что они увидят с соседних улиц? Что какой-то робкий правитель ходит по пустым улицам в окружении охраны?

- Идти среди толпы опасно, - настаивал Сабум. - Здесь мало наших людей, обеспечить безопасность царя будет трудно, если вообще возможно. Что у ниппурцев на уме? А что у паломников? Раны войны не залечены. У кого-то погиб брат, у кого-то отец.

- Мы не будем перекрывать улицы, - подвёл итог Гильгамеш. - Я не юная девица, смогу за себя постоять. И вы будете рядом при оружии. Я пойду за жрецами, десяток воинов - за мной. По бокам Сабум и Энкиду.

- Но...

- Решено. Если Энлиль не защитит меня в собственном городе, какие копыта смогут помочь?

У ворот храма Гильгамеша и его свиту остановил жрец, подняв руку.

- За стеной - дом Владыки Ветра. Там нет ни рабов, ни царей. Войди с чистыми руками и смиренным сердцем, Гильгамеш, сын Лугальбанды.

Младшие жрецы поднесли царю и его людям чаши с водой для ритуального омовения рук.

- В дом Энлиля не входят с оружием.

Оружие оставили слугам, которые в храм не пошли.

Двор встретил гостей запахом смолистого дыма от горящих вокруг очагов. Очаги стояли между колоннами, освещая боковые нефы. Впереди - жертвенный стол, за ним - лестница зиккурата.

Из тени колонн жрецы вывели быка, подаренного Гильгамешем храму, подвели к жертвеннику и привязали пальмовыми верёвками.

- Энлиль, владыка судьбы, прими дыхание этого зверя, - нараспев прочитал молитву другой жрец. Он обошёл быка, окуривая благовониями.

Короткий удар ножом в горло. Кровь пролилась на каменный стол и стекла по жёлобу в глиняный сосуд. Бык рухнул на кирпичный пол.

Гильгамеш подошёл ближе. Положил ладони на жертвенный стол.

- Энлиль, владыка судьбы, - произнёс он в сторону зиккурата, зная, что тот его услышит. - Я сокрушил Киш по воле

богов. Я не прошу наград - дай знак, что мой меч всё ещё нужен тебе и путь к кедром не закрыт. При удачном походе Ниппур не будет знать недостатка в дереве. Никто не поднимет руку на твоих жрецов без ответа моего меча.

Жрец подхватил эту простую речь витиеватой молитвой по храмовому канону.

Гадатель разложил бычью печень на жертвенном столе. Поглядывая на глиняную табличку с подсказкой, внимательно изучил её форму, выступы, ощупал пальцами доли.

- Правая доля полна - владения твои крепнут. Но вот здесь, у края, изъян - знак: путь на запад будет тяжёлым. Ты достигнешь цели, но увидишь кровь своих воинов. Такова печень, которую ты сам принёс в дом Энлиля.

Гильгамеш кивнул.

Из боковых нефов на свет храмового двора беззвучно вышли жрецы. Их было больше сотни - белые льняные одежды, бритые головы. Запели гимн.

Под низкое гудение монотонного гимна по лестнице зиккурата спустился верховный жрец Энлиля. Старик лет семидесяти, сухой, но крепкий, с аккуратно постриженной бородой. Голова выбрита почти наголо, лишь над ушами оставлен тонкий венчик седых волос. Одет в длинный льняной хитон цвета выбеленной кости, до щиколоток. Поверх хитона - широкий плащ-шаль из более тяжёлого льна, также светлого, с едва заметной каймой охристого цвета по краю. В руках - небольшая глиняная табличка и длинный жезл из кедра,

украшенный золотым навершием.

- Энлиль, владыка этих стен, принял дары Гильгамеша, царя Урука. Победа его над Аггой не есть своеволие, но знак того, что Энлиль утвердил его руку над городами.

Жрец слегка коснулся жезлом плеча царя - символическое прикосновение бога.

Из внутреннего двора, через ворота священного района, процессия двинулась по улицам внешнего города.

Впереди - два юных жреца с курильницами и один с рогатой короной на подносе. Сразу за ними - старший жрец, по бокам - ещё двое, несли таблички. Далее - Гильгамеш, по правую руку от него Сабум, по левую - Энкиду. Позади - десяток отборных воинов Урука. Замыкали шествие ещё несколько храмовых слуг и писцов.

Шугеш шла рядом с Энкиду. Её уши были насторожены, ноздри вздрагивали, втягивая запахи толпы.

Толпа, ожидавшая на улице, расступилась к стенам, образуя живой коридор.

Жрецы затянули гимн под пение свирелей и мерный бой барабанов:

- Энлиль, держащий судьбы, веда царя не по стезе безумия, но по дороге, что ты сам начертал...

Люди со всех сторон тянули руки: кто-то искал благословения, кто-то желал прикоснуться, кто-то хотел лучше рассмотреть. Улица становилась теснее, воздух тяжелее, про-

цессия замедляла ход. Колонна вынужденно сжималась. Царя отделяло от толпы расстояние в три-четыре локтя.

Шугеш зарычала. Энкиду насторожился, нащупав рукоять ножа.

Комары. Опять комары. За время похода Гильгамеш начал чувствовать их присутствие кожей. Неловко отмахиваться от гнуса в торжественной обстановке.

А комар жужжал, прицеливался к шее. Сел. Впился.

Нет сил. Шлепок по шее.

В тот же миг - звон разбитого кувшина справа, слева - шум и сдавленный крик.

Гильгамеш обернулся влево-назад.

На земле бился в судорогах человек, держась за горло. В руках - нож. Над ним - Энкиду.

- Что произошло? - спросил Гильгамеш.

- Пытался ударить тебя ножом. Я опередил, - ответил Энкиду.

- А что за звон?

- Кто то уронил кувшин, видимо, отвлекал, - пояснил Сабум.

Толпа закричала. Люди шарахнулись от тела, женщины закрывали лица, дети заплакали. Кто-то побежал, кто-то упал. Волнение прокатилась по улице, как рябь по воде.

Верховный жрец остановился, глядя на тело, которое воины уже поднимали. Его лицо было непроницаемым, а голос жёстким:

- В священном городе пролилась кровь, Гильгамеш. Плохой знак.

- Я найду виновных, - ответил Гильгамеш, не оборачиваясь.

Жрец промолчал.

Энкиду стоял неподвижно, глядя на тело. В его глазах не было ни злости, ни страха - только настороженность. Шугеш, прижавшись к его ноге, глухо рычала.

- Отнесите тело в отряд, - приказал Гильгамеш солдатам.

- Позже разберёмся. Второго кто-нибудь заметил?

- Нет, - ответил за всех Лугалзу.

- Тогда продолжим путь.

Гильгамеш сделал знак верховному жрецу, процессия двинулась дальше. Толпа провожала её испуганными взглядами.

Сцена 12. Делянка.

Ливанский хребет. Настоящее время.

- Этот, - указываю я на кедр в три обхвата, стоявший чуть в стороне от остальных. Ровный ствол до самой верхушки. Густая тёмная хвоя. Ни одного сучка внизу. - Из него когда-нибудь сделают центральную балку храма Лугальбанды.

Люди неуверенно двигаются вперёд. Кишские лесорубы знают своё дело, но чувство тревоги висит над делянкой. Все понимают: местные аборигены попытаются сорвать заготовку. Вчерашнее представление, которое те устроили перед лагерем, видели все.

Сабум расставляет вооружённые посты на лесных тропах. Несколько скрытых постов отправлены вглубь леса - их расставил Энкиду. Согласованы сигналы оповещения.

Илли-Калам, старшина лесорубов, собрал своих людей на утреннюю молитву. Коренастый, черноволосый мужчина лет сорока был выбран самими лесорубами как наиболее опытный и волевой среди них.

У кромки леса сооружается небольшой жертвенник из камней. На него ставят чашу с кедровым маслом. Затем совершается омовение рук. Назначенные Илли-Каламом бри-

гадиры обходят работников с кувшинами воды. Я стою в стороне, но на виду - чтобы подчеркнуть значимость момента.

Илли поднимает руку, призывая всех к тишине. Теперь слышен только лес: ветер в кронах, щебет птиц и скрип стволов. Старшина поджигает фитиль и подкладывает смолу. Ароматный дым стелется по поляне.

Затем Илли-Калам воздевает мозолистые руки к небу и произносит молитву своим грубоватым голосом, привыкшим отдавать рабочие команды:

- Энлиль, Владыка Ветра, хозяин этой горы и этого леса!

Мы пришли не красть, но брать по воле царя, которого ты сам возвысил.

Видишь наши топоры, видишь наши руки.

Не гневайся на нас за работу эту,

но дай, чтобы дерево падало туда, куда мы ему укажем,

чтобы ни один человек не погиб зря,

чтобы кедр, который мы срубим,

стал балкой в доме твоём и воротами в городе твоего помазанника.

Лесорубы дружно поклонились. Я вместе с ними.

После молитвы Энлилю Илли обращается к Нингишзиде, покровителю лесорубов и плотников. Чуть опускает руки и говорит уже спокойнее, почти по-рабочему:

- Нингишзида, мастер топора и пилы,

держи наши руки ровно.

Пусть лезвие не соскочит,

пусть сучок не вырвет плоть ствола,
пусть каждый срез будет чистым, как линия писца на глине.

Мы снова кланяемся, и рабочие приступают к рубке первого кедр.

Первый кедр сейчас - как точка невозврата: прямое нарушение запрета, наложенного местным жрецом. Но у нас свои боги и свои правила. Кедровый лес - «сад богов» - принадлежит Энлилю. Его согласием и покровительством мы заручились, а местные кровавые истуканы нам не указ. Они будут повержены.

- Первая бригада - за мной к этому стволу, верёвку - выше, клинья готовь! - раздаются команды. - Остальные - на расчистку и разметку делянки.

Илли движется неторопливо, считает и прикидывает: шаги до обрыва, толщину ствола, угол склона. Отмеряет направление падения, чтобы ствол не задел другие деревья и не ушёл в овраг. В кедровом лесу его слово весит не меньше, чем царский меч.

Сабум не сидит сложа руки: руководит подсобниками. Они срубают мелкий подрост, кусты, убирают камни. Заставляет людей отмечать линии отхода - свободные коридоры, по которым можно отпрыгнуть, когда дерево пойдёт вниз.

Сегодняшняя рубка - показательная, учебная. Все незанятые лесорубы окружают кедр, на примере которого Илли объясняет последовательность действий.

- Со стороны, куда дерево должно упасть, делаем нижний вруб, - показывает он. - Рубим топором под углом сверху вниз.

Делает несколько ударов топором.

- Кто тут у нас покрепче? Энкиду, возьми топор, продолжай за мной.

Энкиду, улыбнувшись, бьёт, как показал старшина. Тот уважительно хмыкает, оценивая силу удара.

- Затем снизу вверх - получается клиновидная выемка, глубиной примерно в четверть толщины, - продолжает урок Илли. - Дайте Энкиду другой топор, этот на заточку. С обратной стороны, чуть выше вруба, делаем запил - горизонтальный, почти сквозной. Пилу бережём для сложных случаев, работаем по возможности топором. Сейчас покажу, как ей работать.

Подали двуручную бронзовую пилу. Илли вдвоём с Энкиду делают горизонтальный запил.

- До тех пор, пока не останется шарнир древесины над врубом. Теперь загоняем клинья в запил, чтобы дерево пошло в нужную сторону. Поберегись! Энкиду, бей.

Лесорубы отскакивают по заранее размеченным коридорам. Энкиду одним ударом вбивает клин наполовину.

- Стой! - командует Илли-Калам.

- Что случилось? - я шагнул вперёд.

- Его крутит, - старшина показывает на ствол. - Волокна закручены. Немного ошиблись с направлением вруба. Если

сейчас пойдёт, его повернёт. Ляжет не на поляну, а в распадину. Ствол переломится.

- Происки Хумбабы, не иначе, - съязвил Лугалзу.

- Заткнись, - оборвал его я. - Что делать будем?

Илли почесал затылок.

- Думаю, надо валить как есть. Другого выхода нет - исправлять вруб слишком опасно, дерево под наклоном, в любой момент рухнет само.

Энкиду проводит рукой по стволу, словно прислушиваясь.

- Отведите людей туда, где безопасно. Я поправлю вруб. Дерево скажет мне, когда будет падать. Я его слышу.

- Брат, не нужно зря рисковать. Потеряем один ствол - беды не случится, - пытаюсь отговорить его я.

- Нет риска, царь. Я вырос среди деревьев. Умею их понимать.

Я не спорю.

- Сабум, Илли, отводите людей.

Илли показывает Энкиду, где нужно рубить, и отходит на безопасное расстояние. Тот остаётся наедине с капризным кедром. Рядом со мной, насторожив уши, затихает Шугеш - она чувствует опасность, беспокоится за хозяина.

Удар... Ещё удар... Ряд ударов.

Кедр дрогнул, закрипел. Энкиду не вытаскивает увязший топор из вязкой древесины, а молнией отскакивает в сторону. Он уже в безопасности, когда наш кедр-вели-

кан с тяжёлым вздохом валится набок. Сначала медленно и неохотно, словно прощаясь с небом, гигантская крона начинает крениться. Птицы с криками взлетают вверх.

Гул. Стон. Скрежет. Удар.

Земля подпрыгивает под ногами. Хвоя с соседних деревьев сыпется, словно мелкий дождь.

Никто не прыгает от радости. Люди с чувством благоговения смотрят на поверженного великана. Он старше Урука. А теперь лежит у наших ног, раскинув ветви.

Энкиду стоит рядом. Он тяжело дышит, грустно взирая на упавшее дерево. На свежий срез - огромную рану, истекающую янтарной смолой. Шугеш подходит к нему, тычется носом в ладонь, будто спрашивая: «Ты цел?»

Солнце клонится к закату.

Вчера это был храм, полный демонов и тайн. Сегодня это делянка.

Сцена 13. Хумбаба.

Ливанский хребет. Настоящее время.

Лик стража заповедного леса грозно взирает на людей, собравшихся перед ним на поляне. Кто и когда вырубил его на стволе огромного кедра - знает разве что сам кедр. В незапамятные времена - может, триста лет назад, а может, и тысячу - дерево приняло в себя дух Хумбабы. Тогда и проступил этот грозный лик.

Огромные глазницы, где скапливается дождевая вода; разинутый рот-расселина, куда жрецы кладут дары; складки щёк, похожи на застывшие подтёки смолы. По бокам ствола - древесные наросты, похожие на руки. В них вбиты медные шипы-когти.

Жрецы утверждают, что страж сам явил себя людям, которые пришли срубить священный кедр. Теперь их прах покоится в его корнях, поскольку
голос Хумбабы - буря;
уста его - огонь;

дыхание - смерть.

Сегодня лицо Хумбабы мрачнее, чем обычно.

Это видят жрецы, собравшиеся в святилище, старейшины и лучшие воины общины.

Святилище Хумбабы - не творение человеческих рук. Никаких стен, никаких крыш. Только терраса, утрамбованная тысячами ног за сотни лет, и кедры, стоящие по кругу, - живые колонны, сомкнувшие ветви наверху так плотно, что сюда почти не проникает свет. Днём здесь полумрак, ночью - непроглядная тьма, среди которой пылает костёр и мерцают глазницы идола.

Идол.

Самый старый кедр в лесу. Говорят, он стоял здесь до того, как первые люди пришли к подножию горы. Ствол в шесть обхватов, кора тёмная, потрескавшаяся, местами обугленная от старых жертвенных костров.

На соседних стволах висят деревянные маски поменьше - копии лица идола, бронзовые бляхи, кости зверей. В ветвях поблёскивают колокольчики, и каждый порыв ветра заставляет их звенеть тихо и нервно.

Верховный жрец стоит перед идолом. В маске.

Деревянная маска закрывает ему всё лицо - копия лица Хумбабы. Кажется, идол ожил, спустился со ствола и стоит среди людей. Глаза - две пустоты, изнутри мерцает слабый свет: жрец держит перед лицом горящую лучину, спрятанную в ладонях.

Позади него - воины. Два десятка мужчин с копьями и кожаными щитами. Лица раскрашены углем и охрой, у некоторых - простые полумаски из коры.

Жрец поднимает посох - корень кедра с ручкой, обвитой медью - и бьёт по камню у своих ног.

- Чужаки вошли в мой сад без позволения. Их топоры терзают мою плоть. Их гвалт заглушает плач деревьев.

Голос звучит из-под маски глухо, будто изнутри ствола.

- Я - Хумбаба, страж леса Баала. Я слышу каждый удар топора. Я чувствую каждую щепку, что падает вниз. Пусть враг предстанет передо мной!

Жрецы выносят в круг фигуру человека, грубо изготовленную из веток. В царской короне и с топором. На груди изображён знак Урука.

Воины отбивают ритм топотом ног и ударами копий о щиты.

- Вот тот, кто рубит кедры Баала. Вот его плоть из мёртвого дерева. Как этот образ падёт в огонь, так и сам он падёт в нашем лесу, - провозглашают жрецы.

Чучело бросают в костёр.

- Смерть чужакам!

Воины из-за спины верховного жреца выходят вперёд и выстраиваются вокруг костра. К ним присоединяются те, что пришли со старейшинами. Топот и гул щитов сливаются в тяжёлую поступь Хумбабы.

- Смерть чужакам!

Сотня копий одновременно поднимается над головами, символизируя единство и решимость. Воины, синхронно приплясывают и двигаются вокруг костра. Они набегают на горящую фигуру, размахивают оружием, имитируя удары. Устрашают врага и придают себе уверенность в победе.

- Но кто поднимет оружие за моё имя, того я наделю силой. Сердца чужаков дрогнут прежде, чем увидят ваш клинок. Их ноги запутаются в моих корнях, их глаза ослепнут в моём тумане, их дыхание потеряется в моих ветвях.

- Смерть чужакам!

Чучело Гильгамеша догорает. Танец затихает. Все воины строятся в ряд.

Жрецы обходят воинов с мисками красной охры, разведённой в жире.

Каждый проводит себе полосу пальцем на лице.

- Баал видит землю на ваших лицах. Это глина горы, на которой стоят кедры. Пока знак на тебе, ты - часть леса. Кто поднимет на тебя руку - поднимает её на Баала.

- Смерть чужакам!

Верховный жрец сдвигает маску на затылок, давая понять, что дальше будет говорить уже от себя. Его настоящее лицо - лет шестидесяти, с умными, пронзительными глазами и грубо очерченными скулами.

- Вы видели, как чужаки рубят наши кедры. Для них это просто дерево. Для нас - дыхание Баала. Они думают, что лес - немой. Но у леса есть рот и зубы - это вы. Если вы дадите им уйти с добычей, завтра они вернутся с большим войском. И не останется ни тени, ни корня, ни нашего народа. Это наш лес, наша гора. Пусть боятся они.

Воины уходят. На поляне остаются старейшины и верхов-

ный жрец.

- Если мы начнём войну с шумерами, то потеряем много людей. Лучших людей, - начинает разговор Аришум, один из старейшин. - Наша община ослабнет на долгие годы, будет голодать. Лучше уйти в глубь леса и выждать, когда они уйдут.

- А куда мы спрячемся, Аришум? - огрызается вождь по-моложе, сжимая кулаки. - Когда они срубят последний кедр? Когда их плоты перекроют реку, а их царь построит из наших богов ворота своего города? Мы будем прятаться в пещерах и жрать мох, пока не забудем, как выглядит солнце?

Верховный жрец стоит у подножия идола, не шевелясь. Он слышит всех. Жрец знает доводы Аришума наперёд. У Гильгамеша лучшее оружие. Обученные воины. Это не кучка авантюристов, пришедших за лёгкой добычей. Это машина войны, которая не знает жалости. Если жрец скажет правду - отступайте, мы не выстоим в открытом бою - он сохранит им жизни. Но не станет Хумбабы. Страх перед лесным духом исчезнет, а вместе с ним рухнет и сам смысл существования общины. Они превратятся в зверей, обитающих в чаще леса.

- Вы жили под сенью этих ветвей. Вы пили воду, что кедровые корни подняли из глубин. Если вы пустите чужаков в лес, Баал отвернёт лицо от ваших детей, а тьма, которая хранится в недрах, выйдет и поглотит вас.

Старейшины умолкают, предоставив слово верховному жрецу.

- Мы не будем штурмовать лагерь в лоб. Нам не нужны потери, Аришум прав. Ты, - жрец указывает на молодого вождя, - перекроешь западную тропу. Пусть камни летят на головы чужаков, когда они пойдут охотиться. А ты, Аришум, со своими людьми перекроешь путь к источнику. Без воды они скоро ослабнут и не смогут поднять топоры. Пусть чужаки теряют людей каждый день, пусть каждый кедр стоит им жизни. Идите и исполните волю Хумбабы. - Кедров вокруг шумят, будто повторяя его слова. - Решеф, задержишься.

Верховный жрец остается наедине с сыном. Решеф молод и силен. Только ему можно доверить тайное оружие предков: дыхание Хумбабы.

- Собери лучших воинов, один-два десятка. Жрецы подготовили вам сухую белену и гармалу. Нужно скрытно ночью подобраться к лагерю чужаков и развести чадающие костры с наветренной стороны. Пусть ядовитый дым окутает их сон. Они погрузятся в транс на несколько часов. Вам останется войти в лагерь и перерезать им горла.

Решеф задумывается.

- Я в детстве слышал рассказы об удушающем дыме, спасшем общину. Старики рассказывали. Думал, небылицы.

- Это правда, мой мальчик. Но мы храним её в секрете для такого случая. Или выдаём за сказки. Удушающий дым хорош, когда приходит неожиданно. Иначе от него легко найти защиту: уйти в сторону или отмахнуться веером. Будь осторожен, вокруг лагеря расставлены посты. Некоторые - скры-

ты. Но ты вырос в этом лесу - обойдёшь их.

- Я не подведу, отец.

Сцена 14. Миссия в Ниппуре.

Три месяца назад.

- Дом Горы велик, о Гильгамеш, сын Лугальбанды, - голос жреца был сухим, как шелест тростника. - Но его залы полны. Энлиль уже окружен сонмом богов. Нинлиль, Нинурта, Нанна... Где же нам найти место для новых гостей?

Это был отказ. Вежливый, обтекаемый, но прозрачный.

Тёмный диорит статуи отполирован до блеска. Лугальбанда изображен как живой в царственной позе, на голове - миниатюрная рогатая тиара. Глаза из лазурита смотрели вдаль - туда, где начинается вечность. На цоколе клинопись: «Лугальбанда, царь Урука, друг Энлиля».

Гильгамеш уже присмотрел для него место в храме. Боковой зал Экура. Небольшой - десять на десять шагов. Толстые стены из выбеленной глины хранили прохладу, узкое окно под потолком бросало косой луч света на пустую нишу. В ней - невысокий глинобитный пьедестал. Здесь раньше было малое святилище Нинурты, его перенесли в другой зал. Комната свободна, готова принять нового друга Энлиля.

Победив Аггу, Гильгамеш приобрел власть и над Ниппуром. Теперь нужно было вписать культ Лугальбанды в пантеон Экура. Утвердить влияние Урука через присутствие в главном храме Шумера.

Гильгамеш стоял в центре зала. Запах пыли и старой гли-

ны щекотал ноздри. Толстые стены давили, сжимая пространство - холодок клаустрофобии полз по позвоночнику. Но здесь, в Экуре, чувство было другим: величественным, почти благоговейным. Много ликом смотрело со стен, много молитв произнесено здесь.

- Когда воды поднимались и топили поля, мой отец не ждал чуда. Он таскал корзины с глиной. Он строил стены, чтобы люди могли спать, не боясь ночи. - Гильгамеш шагнул к пустой нише. - Почему именно здесь? Потому что только здесь, в соседстве с Энлилем его миссия обретет вечность.

Лугалзу, стоявший за спиной царя, слушал с холодным восхищением. Царь превращал политику в теологию. А мог бы просто приказать. Построить жрецов в ряд, а то и полностью обновить их состав. По праву победителя. Это мы умеем.

Но Гильгамешу сейчас нужно не подчинение, а почитание, которое не вобьешь силой. Почитание его обожествлённого отца наравне с другими богами пантеона. Тем самым и божественная сущность самого Гильгамеша будет признана в этих стенах. Империя держится не на страхе, а на символах.

Ставленники Урука - жрецы Лугальбанды - утвердятся в духовном центре Шумера. Глаза и уши. Проводники влияния. Миссия, навязанная силой, будет обречена. Статуя станет мёртвым грузом. Без молитв, без даров, без памяти. Камень в пустой комнате.

- Лугальбанда был царём, который не спорил с волей Эн-

лиля. Я - его сын. Если Ниппур признает его другом Энлиля, я стану другом Ниппура. Это выгодно всем: и вам, и нам. - нарушил тишину Гильгамеш.

- Дружба богов - дело самих богов. Но если сын своими делами славит отца, Энлиль смотрит на это благосклонно. Алтарь требует служения. Жрецам нужен хлеб. Писцам - таблички. Кто будет платить?

- Каждый год из Урука сюда будут приходить дары: серебро и ячмень. Достаточно, чтобы ваши писцы не путались в цифрах. Запишите: десять талантов серебра и двести мешков ячменя - из дома Лугальбанды в дом Энлиля.

Разговор перешёл в практическую плоскость.

Писец занёс слова царя в табличку.

Верховный жрец посмотрел на Гильгамеша долгим, оценивающим взглядом. Он видел не молодого воина, а государственного деятеля. И нанес следующий удар.

- Ты молод, Гильгамеш. Твоя кровь горяча и меч остер. Но что станет с этим алтарем, когда твое сердце остановится? Когда ты уйдёшь в свой последний поход. Новые цари забывают заветы отцов, едва надев корону.

- Пока существует дом Лугальбанды, этот алтарь не будет знать нужды. А если мои потомки забудут клятву... - Гильгамеш сделал паузу, глядя прямо в темные глаза старика. - Тогда вы сможете снять статую с пьедестала и бросить в Евфрат. Никто не вправе вас остановить.

В маленьком зале повисла тишина, нарушаемая лишь да-

леким, приглушенным шумом паломников за стенами Экура.

Верховный жрец понимал. Царь не просто оставляет статую и жрецов. Он встраивает свою династию в сакральную экономику Шумера. Делает себя и своих наследников главными кормильцами Экура. Отказаться от серебра и зерна? Или принять зависимость от Урука?

Он выпрямился. Храм не проигрывает. Экур получает новый алтарь, новые дары и подтверждение своего статуса центра мира.

- Энлиль видит, кого ты привел в его дом, - торжественно произнес верховный жрец, поднимая руки в жесте благословения. - Пусть Лугальбанда, обожествленный царь Урука, строитель стен и защитник людей, будет отныне назван Другом Энлиля.

Гильгамеш кивнул. Он не улыбался, но тяжесть упала с его плеч.

Четверо урукских жрецов, дожидавшихся в коридоре, внесли в зал статую. Фигуру отца, сжимающего в руках не меч, а строительный отвес. Ее установили в нишу. Лугальбанда занял свое место.

- Алтарь освящен, - сказал жрец. - Ваши люди могут оставаться. Порядок Экура будет их порядком.

Он развернулся и вышел. Льяные одежды бесшумно скользили по утрамбованному полу.

Жрецы расставили и зажгли светильники у ниши.

Писец сел на корточки у стены, положил перед собой сырую глиняную табличку и медленно, с нажимом вывел первую строку:

«Дом Лугальбанды, божественного царя Урука, друга Энлиля».

Гильгамеш постоял еще мгновение, глядя на каменное лицо отца. Подошёл ближе, провёл пальцами по холодному камню. Отступил на шаг и коротко напутствовал жрецов Лугальбанды:

- Останетесь здесь. Этот зал - ваш дом. Будете служить моему отцу и читать его имя вместе с Энлилем. Ниппурский архив будет хранить ваши таблички. Хлеб вам будут взвешивать писцы Экура. Но помните: вы здесь не только для того, чтобы молиться в тишине. Вы здесь, чтобы Ниппур знал. Урук не ушёл. И не уйдет.

Сцена 15. Дыхание Хумбабы.

Ливанский хребет. Настоящее время.

Их силуэты скользили между стволами, как тени от ветвей. То исчезали, то снова появлялись в просветах. Ни один камень не сдвинулся, ни одна ветка не хрустнула громче ветра. Не было даже постороннего запаха - только смолистый аромат вековых кедров.

В чаши легли тусклые угли, которые постепенно раздулись красными глазами. На них щедро посыпали крошево сухих стеблей.

Дым - вязкий, едкий, словно жжёная горечь самого леса, влекомый ветром, заструился по склону холма, как весенний ручей.

Я просыпаюсь от того, что горло пересохло.

Сухость идёт изнутри, из груди, поднимается к нёбу, оставляет на языке горький, вязкий привкус. Как будто я жевал сухую кору, пока спал. Горло першит.

Воздух в шатре кажется слишком плотным, слишком тёплым, несмотря на предрассветную прохладу. Глаза слегка

щиплет.

Знакомый запах... не могу вспомнить.

Кедр. Пахнет кедровой смолой. К ней я давно привык. Но этот запах - другой. Тяжёлый. Сладковатый.

Откидываю полог и выхожу из шатра.

Небо уже сереет на востоке. Луна ещё не зашла, но заметно побледнела. Над лагерем висит странная дымка - серый туман. Он не поднимается вверх, как дым от костра, а стелется низко, между шатрами, окутывая всё вокруг.

Я делаю шаг и останавливаюсь.

Голова кружится. Совсем чуть-чуть, как после резкого подъёма. Сглатываю - горький привкус во рту усиливается.

Неужели заболел?

Осматриваюсь.

Обычно в этот час лагерь уже оживает. Кто-то спит до последнего, но есть и любители ранних подъёмов.

Сейчас - тишина.

Иду к ближайшему посту.

Часовой сидит у погасшего костра, прислонившись спиной к стволу кедра. Глаза его открыты, но смотрят куда-то в пустоту, в темноту между деревьями. Пальцы держат копьё так слабо, что оно чуть не валится из рук.

- Эй, - толкаю его в плечо. - Не спи.

Воин вздрагивает, моргает и поднимает на меня мутный взгляд.

- Что... что случилось, царь?

- Ты чувствуешь запах?

Часовой принюхивается, морщится.

- Кедр пахнет, - говорит он с запинкой. - Сырой. Гнилой, может... Много веток вокруг, всё пропахло...

Я смотрю на него. Часовой пытается казаться бодрым, но зрачки расширены, он слишком часто моргает, и голос звучит вяло, будто он только что очнулся от глубокого сна.

- Как ты себя чувствуешь?

- Голова... - Часовой проводит ладонью по лбу. - Кружится. С усталости, наверное... Третий день рубим, все устали...

- Может, встанешь? - приказываю я. - Пройдись. Сделай шагов десять и вернись.

Часовой встаёт, делает шаг, спотыкается о корень, хватается за ствол кедра, чтобы не упасть. Он разглядывает свои руки, словно не понимая, как они оказались на дереве, и виновато улыбается.

- Дерево... ну, корни... Темно же...

Молчу.

В глазах мутнеет.

Пытаюсь собраться.

Что я хотел сделать?

Иду дальше. Вдоль костров, где догорают угли. Мимо шатров, из которых доносится тяжёлое, бессвязное бормотание. Кашель.

Откуда я помню этот запах?

Второй часовой... Третий лежит прямо на земле, завер-

нувшись в плащ, и что-то выкрикивает во сне - сбивчиво, как в горячке.

Сабум сидит на корточках у тлеющего костра, опершись локтем о колено, уставившись на огонь. Правой рукой он медленно, как будто в забытии, водит по культе левой - не трёт, а водит, словно проверяет, на месте ли она.

- Сабум.

Старый ветеран не поднимает головы. Присаживаюсь рядом.

- Ты чувствуешь?

Смысл слов доходит до него не сразу.

- Чую, - отвечает он наконец.

- Что это?

- Не знаю. - Сабум шевелит угли палкой, от них поднимается столб искр. - Дым.

- Часовые говорят, что это кедр.

- Часовые спят, - говорит он. Помедлив, добавляет: - Все спят. Крепко.

Я смотрю на старого воина. Сабум никогда не жалуется. Он говорит только то, что видит.

- Что ты чувствуешь?

- Глаза слезятся. Голова тяжёлая. Горло першит. - Он поднимает глаза. Зрачки расширены. - Ты же тоже чувствуешь. Зачем спрашиваешь?

Я прикрываю глаза.

Вкус. Во рту - знакомый вкус.

Горечь. Сухость. Где-то в глубине сознания - пульс в висках. Он бьётся быстрее обычного.

Я знаю этот пульс. Я помню его.

Тошнота.

Покачиваясь, иду к лесу. Там Энкиду. Может, он что-то понимает.

Я нахожу его у кромки леса.

Энкиду спит, как всегда, под открытым небом, у самого склона, где деревья смыкаются и начинается лес. Ни шатра, ни навеса - только шкура на земле и плащ, сброшенный поверх туники.

Опускаюсь на колени рядом с ним и касаюсь плеча.

- Энкиду. Вставай.

Тело под рукой горячее и неподвижное. Энкиду лежит на спине, голова запрокинута, глаза приоткрыты. Взгляд направлен в серое небо над деревьями.

- Энкиду.

Никакой реакции.

Сжимаю его плечо сильнее, встряхиваю. Энкиду вдыхает медленно, губы шевелятся.

Он что-то говорит.

Наклоняюсь ближе.

Слышу хрип, будто он давится.

- Там... пыль едят... - выдавливают он. - Глину жуют... я тоже... в перьях...

Он замолкает, и голова его падает набок.

Провожу ладонью по его лбу, затем прикладываю пальцы к шее. Пульс частый, неровный. Дыхание поверхностное. Под полужакрытыми веками зрачки мечутся по сторонам, как будто он видит сон и не может проснуться.

- Энкиду, - я стараюсь говорить ровно. - Ты меня слышишь? Я здесь. Ты в лагере. Скажи мне, что с тобой.

Энкиду не отвечает.

Через мгновение его рука судорожно дёргается, пальцы сжимают воздух, как будто он пытается что-то схватить. Он заговорил снова - быстрее, торопливее, слова спотыкаются друг о друга:

- Ты не плачь у входа... слышишь? Я приду сам...

Он замолкает. Дыхание становится глубже, медленнее, тело расслабляется, словно он проваливается в ещё более глубокий сон.

Дым. Здесь он гуще, тяжелее. Дым идёт из леса...

Дым отравлен.

Я вспоминаю.

Закрытая комната. Дым. Думузи.

Гармала.

Сцена 16. Сон Энкиду.

Ливанский хребет. Настоящее время.

Сначала была степь.

Та самая степь, которую он помнил кожей: трава по колено - жёсткая, пахнувшая полынью и сухой землёй. Небо высокое, такое высокое, что можно смотреть в него вечность, пока глаза не начнут слезиться от синевы. Где-то вдалеке бежит газель, и он знает, что мог бы догнать её, если бы захотел, но не хочет - ему хорошо просто смотреть.

Он чувствует себя частью этого мира - не царём, не слугой, не оружием в чужих руках. Просто существом, которое дышит в такт ветру.

Звери не боятся его. Они знают: он свой.

Энкиду идёт по степи, и каждый шаг отдаётся в груди покоем.

Потом небо закричало.

Это не был гром - гром бывает глухим, раскатистым. Этот

звук был острым, как коготь, вонзившийся в ухо. Небо разверзлось, и из него хлынул свет - три светлые фигуры в вышине, как три неподвижных солнца. Они не двигались, но их голоса били прямо в грудь, минуя уши.

- Зачем они сразили Быка и Хумбабу? - голос принадлежал тому, кто был выше всех, тяжелее всех.

- Умереть подобает тому, кто у гор похитил кедры!

- Пусть умрёт Энкиду, но Гильгамеш умереть не должен!

Он слышит своё имя - и вздрагивает. Это имя дала ему Шамхат. Теперь его произносят боги, и оно звучит как приговор.

- Не твоим ли веленьем убиты Бык и Хумбаба? Должен ли ныне Энкиду умереть безвинно? - голос Шамаша, тёплый, почти человеческий.

- То-то ежедневно в их товарищах ты ходишь! - гремит Энлиль.

Слова рассыпаются над ним, как камни с обрыва. Каждый удар - по его имени. Он хочет крикнуть, что не понимает, о чём они говорят. Никакого Быка он не убивал. Никакого Хумбабы не видел. Но боги говорят так, будто всё уже случилось.

Энкиду опускает глаза.

Трава под ногами становится серой. Потом - ломается. Потом - превращается в пепел.

Он проваливается.

Земля уходит из-под ног, и он падает в темноту, кото-

рая не имеет дна. Падение длится одно мгновение - а может быть, вечность. Он не знает. Он больше не чувствует времени.

В темноте появляется силуэт.

Человек.

Он стоит перед Энкиду: один, как скала посреди пустоты. Лицо его мрачно, и в нём нет ни гнева, ни жалости - только исполнение. Птице бури он лицом подобен. Его крылья - орлиные крылья, его когти - орлиные когти. Он не говорит ни слова. Он просто делает то, что должен.

Человек бури хватается Энкиду за волосы и поднимает, как щенка. Рывок - и Энкиду висит в пустоте, чувствуя, как когти впиваются в кожу головы.

- Он за власы схватил, меня одолел он, - шепчет Энкиду, и слова приходят сами, словно чужие. - Я его ударил - как скакалка, он скачет. Он меня ударил - исцелил мою рану...

И это странно: удар человека бури не причиняет боли. Наоборот - от него становится легче. Как будто последняя земная боль покидает тело, и остаётся только холодная ясность.

- Но, как тур, на меня наступил он, сжал, как тисками, всё моё тело...

Энкиду пытается вырваться, но мышцы не слушаются. Он чувствует, как его разворачивают и ведут вниз.

- Взглянул и увёл меня в дом мрака, жилище Иркаллы. В дом, откуда вошедший никогда не выходит...

Они стоят перед воротами - низкими, тяжёлыми, покры-

тыми слоем сухой пыли, которая кажется живой, шевелящейся, как кожа.

Человек бури исчезает. Энкиду остаётся один.

Он входит.

Свет исчезает, словно его слизнули языком. Темнота здесь особенная - не та, что в степи ночью, когда можно различить звёзды и силуэты. Эта темнота - плотная, вязкая, как глина. Она проникает в рот, в лёгкие, в уши. Шагов не слышно - только шуршание пыли под ногами, и этот звук кажется слишком громким в полной тишине.

Запахов нет. Совсем. Ни кедра, ни дыма, ни травы. Только пустота, которая пахнет отсутствием всего.

Энкиду идёт.

Он видит их - тени, сидящие вдоль стен. Венценосцы и нищие - все одинаково серые, все в крыльях из пепла. Перед ними миски с прахом и глиной. Они не едят, не двигаются, не говорят. Они просто сидят и ждут.

Он проходит мимо них и чувствует, как они смотрят на него. Не глазами - у них нет глаз. Тем пустым местом, что осталось вместо лиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.